

15 МАРТА

1885 ГОДА.

ВОРОНЕЖСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ 1 и 15 чиселъ.

№ 6. 1885 г.

Цѣна годовому изда-
нію 5 руб. съ прило-
женіями 6 руб.

Тысячелѣтіе блаженной кончины св. Меодія, Архіепископа Моравскаго, первоучителя Славянъ.

(6 Апрѣля 1885 года)

ТРОНАРЬ, ГЛАСЬ 1.

Яко Апостоловъ единоракни и словенскихъ странъ оучителе, Кирілле и Меодіе Бгомудри, Къку всѣхъ молите, всѣхъ языки словенскихъ утвердити въ православіи и единомыслии, оумирити мѣрь и спасти души нашихъ.

Срѣнную двонцу просвѣтителей нашихъ поутимъ, Бжественныхъ писаній предложеніемъ, истощивъ Бгопозианіхъ намъ истощившихъ, и сего же даже до днесь неоскудно поучающе, оувлажяемъ васъ, Кирілле и Меодіе, престолъ Вышшаго предстоанихъ и теплъ молачихсѣ о душахъ нашихъ (Кондакъ, гласъ 1).

Собирается Русская земля честно и свѣтло праздновать день 6-го Апрѣля. Что же значить это празднество, за чѣмъ будетъ торжественная служба по городамъ и селамъ Русской земли?

За тѣмъ, что въ этотъ день, тысячу лѣтъ тому назадъ, опочилъ св. Меодій, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Кирилломъ составилъ для нашего народа азбуку, перевелъ на нашъ языкъ и священныя книги и Божеслуженіе, и самъ много потрудился, учить Славянъ христіанской вѣрѣ, возвѣщать слово Божіе нашимъ родичамъ, а главное дѣло то, что еще теперь въ церквахъ поютъ и читаютъ такъ, какъ св. братья написали тысячу лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ церковныя книги печатаются тѣми же буквами, которыми они писали и которыя такъ послѣ нихъ и остались. Если Русскій народъ—народъ православный; если у насъ въ церкви каждый можетъ понимать все, что читаютъ и поютъ, если каждый можетъ, выйдя изъ церкви, сказать себѣ, что онъ что нибудь услышалъ полезное для души,—а найдется ли такой человекъ, который слушалъ слово Божіе и церковное пѣніе, да не вынесъ для своей души ничего?—если все это такъ, то кто же это сдѣлалъ? Сдѣлали это съ помощью Божіею двое святыхъ братьевъ. Нашъ Русскій князь Владиміръ (988 г.) задумалъ изъ идолопоклонника стать христіаниномъ: противно сталъ его русской душѣ молиться камнямъ и деревьямъ, и разыскалъ онъ истиннаго Бога; тогда у братьевъ нашихъ Болгаръ была уже истинная вѣра и служба на родномъ языкѣ, который тогда все понимали, да и теперь могутъ понимать, и теперь у православныхъ Сербовъ и Болгаръ одна служба съ нами. Пойдите въ русскую, въ болгарскую, въ сербскую церковь и вы услышите и тоже чтеніе, и тоже пѣніе. Крестился Владиміръ въ Херсонесѣ Греческомъ (близко отъ Севастополя), а священниковъ взялъ больше Болгаръ. Съ тѣхъ поръ пошла и у насъ православная вѣра, пошла и служба

на родномъ языкѣ, и стало не такъ, какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ служили тогда по латыни, а кое-гдѣ и теперь служатъ. По латыни понимали только ученые, а у насъ въ церкви все понимали и ученые люди и простые. Оттого и сильна вѣра въ Русской землѣ. Вотъ, стало быть, есть за что помянуть Русской землѣ и честно и торжественно память святыхъ своихъ учителей. Вотъ почему и надо въ день тысячелѣтней годовщины собраться всеѣмъ, кто только можетъ, въ церковь.

Помолимся же въ этотъ день святымъ нашимъ заступникамъ, да предстательствуютъ они предъ престоломъ Божиимъ за Русскую землю, да непоколебимо сохранить она насажденную ими святую вѣру, да научится каждый изъ насъ изъ Слова Божьяго тому, какъ лучше жить ему въ мѣрѣ, какъ лучше служить ему Богу и родинѣ. Будемъ молиться и о томъ, да сохранить Господь въ правой вѣрѣ всѣхъ православныхъ и да озаритъ свѣтомъ истины тѣхъ изъ братьевъ нашихъ, которые удалены были отъ нея.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

О празднованіи въ 1885 году тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: отношеніе совѣта С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества на имя г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 4 декабря 1883 г. за № 2535, съ соображеніями о празднованіи имѣющаго исполниться въ 1885 г. тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія. Приказали: Совѣтъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, согласно постановленію общаго собранія членовъ сего общества, обратился къ г. синодальному Оберъ-Про-

курору съ просьбою о предложеніи на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода предположеній и соображеній С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества относительно празднованія имѣющаго совершиться 6 апрѣля 1885 г. тысячелѣтія со времени кончины славянскаго первоучителя св. Меодія. Разсмотрѣвъ означенныя предположенія и соображенія и вполнѣ раздѣляя мысль о торжественномъ чествованіи дня кончины славянскаго первоучителя особымъ церковнымъ празднествомъ, Святѣйшій Синодъ полагаетъ ознаменовать это празднованіе для русской церкви и въ видахъ возобновленія въ памяти всѣхъ православныхъ русскихъ именъ и подвиговъ славянскихъ первоучителей святыхъ Кирилла и Меодія слѣдующимъ образомъ: 1) Въ С.-Петербургѣ въ Исакіевскомъ соборѣ членами Святѣйшаго Синода имѣютъ быть совершены: на кануи 6 апрѣля 1885 г. венощное бдѣніе и въ самый день божественная литургия съ торжественнымъ, по окончаніи оной, молебствіемъ славянскимъ первоучителямъ — святымъ Меодію и Кириллу и съ возглашеніемъ на ономъ многолѣтіи Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, правительствующему Синоклиту, все-россійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. 2) Такое же богослуженіе должно быть совершено повсемѣстно во всѣхъ монастыряхъ и церквяхъ русскихъ, въ епархіальныхъ соборахъ — самими епархіальными преосвященными, а въ отсутствіе ихъ викаріями, гдѣ таковыя имѣются, въ монастыряхъ, прочихъ соборахъ и приходскихъ церквяхъ, равно и домовыхъ — настоятелями оныхъ, въ сослуженіи прочихъ членовъ причта. 3) При совершеніи таковыхъ богослуженій обязательно должны быть произнесены приличныя торжеству и случаю поученія съ изображеніемъ жизни, трудовъ и заслугъ славянскихъ первоучителей на пользу всего славянскаго міра, въ томъ числѣ и русскаго народа. 4) На 6 апрѣля 1885 г. имѣютъ быть освобождены отъ учебныхъ занятій воспитанники всѣхъ духовно-учеб-

ныхъ заведеній, какъ мужскихъ такъ и женскихъ, для посѣщенія ими въ этотъ день церковнаго богослуженія. При этомъ предоставляется начальствующимъ означенныхъ заведеній устроить въ стѣнахъ оныхъ, послѣ божественной литургии въ этотъ день, публичные торжественныя засѣданія съ произнесеніемъ на нихъ соответствующихъ торжеству и воспоминаемому событію рѣчей и другихъ чтеній.

5) Разрѣшить раздачу по церквамъ православному народу жизнеописанія и изображенія славянскихъ первоучителей св. Меодія и Кирилла, имѣющихъ быть составленными и отпечатанными по распоряженію совѣта С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія по духовному вѣдомству сообщить о вышеизложенномъ редакціи журнала «Церковнаго Вѣстника» для напечатанія по принятому порядку.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали и имѣли сужденіе о предстоящемъ празднованіи имѣющаго совершиться 6 апрѣля сего года тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Меодія, архіепископа моравскаго. И, по справкѣ, приказали: Признавая необходимымъ навсегда запечатлѣть въ благоговѣйной памяти православныхъ чадъ русской церкви имена славянскихъ первоучителей, святыхъ Меодія и Кирилла, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ учинить для сего слѣдующее: 1) въ молитвахъ на литіи, по Евангеліи на утрени предъ канонемъ, на отпустахъ, а равно во всѣхъ молитвахъ, въ которыхъ поминаются имена святителей вселенскихъ и русской церкви, поминать непосредственно послѣ имени святителя Николая, архіепископа Мирликійскаго чудотворца, имена «иже во святыхъ отецъ нашихъ Меодія и Кирилла, учителей словенскихъ»; 2) день блаженной кончины св. Меодія, архіепископа моравскаго, внести въ месяцесловъ подъ числомъ 6 апрѣля; 3) празд-

нованіе памяти св. Меодія и Кирилла 11-го мая отнести къ среднимъ церковнымъ праздникамъ и для сего въ печатаемыхъ мѣсяцесловахъ означить это, какъ принято, крестомъ въ полукругъ; 4) 14-го февраля, въ день блаженной кончины преподобнаго Кирилла, учителя словенскаго, и 6-го апрѣля, въ день преставленія св. Меодія, архіепископа моравскаго, отправлять полувечей, и 5) разрешить 6-го апрѣля сего года повсемѣстно совершеніе крестныхъ ходовъ и всеневный колокольный звонъ. Для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія объявить о семъ по духовному вѣдомству чрезъ напечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», сообщивъ редакціи сего журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія.

С В Я Т Ы Е

КИРИЛЛЪ И МЕОДИЙ,

АПОСТОЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Въ прежнее время, когда Христосъ жилъ на землѣ во плоти, и послѣ того, когда апостолы ходили по разнымъ странамъ и разносили Слово Божіе, тогда самое большое государство въ мірѣ было римское. Ему были подвластны всѣ земли вокругъ теплаго Средиземнаго моря: земля греческая, и египетская, и еврейская, гдѣ Христосъ родился и пострадалъ.

Дунай—рѣка тоже была римская; туда рано дошло Христово ученіе.

Быль въ томъ же царствѣ римскомъ, не далеко отъ Авонской горы, большой городъ Солунь, и въ немъ, еще во времена апостольскія, было много христіанъ.

Держали римское царство императоры, что жили въ городѣ Римѣ. Сначала они были все невѣрные: гнали хри-

стіанъ, и много тогда пролилось праведной крови. Въ Солунѣ—городѣ тоже были мученики. Въ соборѣ Солунскомъ почивали, мощи святаго великомученика Димитрія и отъ нихъ предивныя чудеса творились.

Отъ гоненій христіанская вѣра не погибала, лишь больше народу приходило ко Христу.

Наконецъ оеѣвила Божія благодать императора Константина: ему явился крестъ на небѣ и онъ увѣровалъ. И гоненія перестали. Константинъ далъ христіанамъ въ своемъ царствѣ волю и взялъ ихъ къ себѣ въ милость: и по немногу вѣра въ идоловъ въ римскомъ государствѣ стала исчезать...

Римское царство было великое: въ разныхъ его концахъ стояли горы и лежали моря, и долгіе были переѣзды изъ края въ край. Одному государю трудно было управлять. И раздѣлилось это царство пополамъ. Стало два государства: восточное греческое, иначе Византійское, и западное римское,—и два императора, одинъ въ Царьградѣ, другой въ Римѣ.

Утвердилась вѣра въ римскомъ государствѣ и въ греческомъ, но много еще было народовъ на востокѣ и на сѣверѣ, въ степяхъ и въ лѣсахъ непроходныхъ, куда не доносилось Слово Христово. И не могли эти люди быть спасены, потому что не знали Спасителя.

Богъ же всѣхъ одинаково жалѣетъ и всѣхъ зоветъ на свою вечерю. Сказано въ Евангеліи: *Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ придутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Иаковомъ, во царствіи небеснѣмъ* (Мѣ. гл. 8, 11).

И словно птичьи стаи, что снимаются съ мѣстъ и тянутся перелетомъ туда, гдѣ чуютъ весну, двинулись съ восточной стороны толны новыхъ народовъ: обступили тѣсно римское царство и еще тѣснѣй царство греческое. Сперва

пришли Готы, по нашему по-ныншнему Нѣмцы. За ними Обры пришли. Стали эти варвары проходить, то взадъ, то впередъ, вдоль Дуная—рѣки и по окрестнымъ странамъ. Гдѣ они шли, впереди ихъ города стояли богатые, а позади оставались лишь камни да уголья. Въ иныхъ мѣстахъ весь народъ изгубили враги; кого смерти предали, а кого въ плѣнъ къ себѣ взяли—въ цевольники. Пѣнные христіане выучивались среди невѣрныхъ ихъ языкамъ и говорили о Христѣ; а оттого принималась у варваровъ христіанская вѣра. И лучше дѣлалось варвары въ христіанствѣ; меньше убивали и мучили людей.

Черезъ некоторое время Нѣмцы стали крещёные и тогда они перешли иза Дунай къ сѣверу. Тамъ и теперь живутъ. Когда же Нѣмцы и Обры отодвинулись прочь съ Дуная, то явился еще особый народъ Славяне; они стали проходить слободными толпами. Все равно, какъ весной вода набѣгаетъ съ горъ, такъ они прибывали. Откуда они брались, никто не зналъ; слышно было, что они уже давно живутъ на востокъ отъ Царьграда, на большой равнинѣ, что теперь зовется Россіей. Просили славяне греческаго Царя, чтобъ имъ дозволено было селиться на разоренныхъ земляхъ; царь имъ дозволилъ. И разошлись они по Дунаю и между горъ Балканскихъ, до самаго моря. Другія колына того же Славянскаго племени прошли сверху по притокамъ Дуная, ближе къ Нѣмцамъ, и стали тамъ жить подъ разными именами. По рѣкѣ Моравѣ—то были Моравяне, къ западу отъ нихъ Чехи. На сѣверъ отъ Чеховъ есть луговая долина; тамъ народъ Славянской стали называться Сербами—Лужичанами. Къ востоку, по Вислѣ-рѣкѣ, жили Поляки. Еще были славянскія колына: Сербы съ Хорватами, Словинны, Словани, и многи

другія, — всё изъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного
дерева.

Но больше всего Славянъ осталось жить на прежнихъ
мѣстахъ: по Днѣпру, по Окѣ и до самаго Новгорода, по
всему простору земли русской. Жили они тамъ въ разбросъ
по дѣсамъ; прозывались, какъ и на западъ, разно. Теперь
они всё слились во едино и называютъ себя русскими. Дол-
гое тянулось время, пока стало Русское государство. А на
западъ Славяне до сихъ поръ не могутъ соединиться.

Заняли западные Славяне бывшую римскую землю и
начали ею владѣть сообща, миромъ. Славяне больше жили
по деревнямъ. Лучшее всѣхъ городовъ земли славянской былъ
городъ Солунь. Сколько разъ его разоряли варвары, а онъ
опять поднимался и все богатѣе: сберегали свой городъ св.
Димитрій Солунскій.

Какъ стали греки жить въ сосѣдствѣ со Славянами, то
начала отъ нихъ переходить къ Славянамъ и христіанская
вѣра. Славяне легко ее понимали, потому что всегда были
добрые и заповѣдь Христова о томъ, чтобъ любить ближ-
нихъ и прощать обиды, пришлась имъ по нраву. И скоро
бы они всё обратились ко Христу, да не кому было ихъ
наставить... И долго многіе Славяне истиннаго Бога не вѣ-
дали: сами себѣ боговъ придумывали, молились грому, и
солнцу, и вѣтрамъ, — дѣлали себѣ истукановъ, мѣдныхъ и
деревянныхъ, и кланялись имъ.

Наконецъ смиловался Богъ надъ людьми своими: по-
слалъ славянекому племени просвѣтителей, апостоловъ новыхъ.

Лѣтъ за тысячу тому назадъ (въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Хр.)
шелъ въ городъ Солунь богатый вельможа, по имени Левъ.
Было у него нѣсколько сыновей: старшаго звали Меѳодіемъ,
а самаго младшаго — Константиномъ (въ монашествѣ Кириллъ).

Меѳодій сначала служилъ въ войскѣ; самъ царь Михаилъ
его зналъ и отличалъ, и поставилъ его воеводою въ одну сла-
вянскую землю, что была тогда подъ греческой державой.

Правиль Меводій этою землею нѣсколько лѣтъ, и сталъ онъ часто думать: «Вотъ я заслужилъ себѣ у царя и честь, и богатство; а какъ мнѣ у Бога заслужить себѣ спасеніе?» И наскучила ему мірская его жизнь. Оставилъ онъ свое воеводство и ушелъ въ монахи, на гору Олимпъ. Тамъ прожилъ въ кельѣ не мало времени постникомъ и затворникомъ.

Когда Меводій отправился на царскую службу, братья его Кириллъ былъ еще малъ, но уже все примѣчали, что на этомъ ребенкѣ почіетъ Божія благодать. Семи лѣтъ онъ видѣлъ чудный сонъ, проснулся и разсказалъ отцу съ матерью: «Снилось мнѣ, будто со всего нашего города воевода собралъ двѣицъ и приказалъ, чтобъ я выбралъ себѣ невѣсту. Я взялъ самую красивую и нарядную и спросилъ, какъ ее зовутъ?— Она сказала: Софіей».

Родители Кирилла поняли, что это было ихъ сыну знаменіе, что дастъ ему Богъ великую премудрость. Софія по гречески значитъ премудрость.

Начали Кирилла учить грамотѣ и разнымъ наукамъ: онъ все понималъ такъ хорошо и скоро, что все удивлялись. И когда бывало, кончится время ученья, все другіе дѣти игры заводятъ, а Кириллъ на молитву становится или книги читаетъ святые.

Разъ выѣхалъ онъ съ товарищами на соболиную охоту. Только спустили они соболовъ, какъ вдругъ поднялся вихорь, захватилъ Кирилла сокола и занесъ невѣдомо куда.

Тогда Кириллъ сказалъ: «видно мнѣ здѣсь не мѣсто», и вернулся съ поля. Съ тѣхъ поръ онъ больше на охоту не ѣздилъ и сталъ еще богомольнѣе.

Въ греческой землѣ умеръ царь Феодаль и наследовалъ ему сынъ его Михаилъ. Этотъ новый царь остался послѣ отца еще малолѣтенъ, и были къ нему приставлены три боярина—учить его и воспитывать. Старшій изъ этихъ бояръ узналъ родителей Кирилла и слышалъ, какой у нихъ есть сынъ умный и почитливый. И взялъ этого боярина Кирилла къ

себѣ въ Царьградѣ и сталъ его учить вмѣстѣ съ царемъ, чтобъ царь, на него глядя, самъ прилежиѣе учился.

Такъ и выросъ Кириллъ: то у боярина въ домѣ, то въ царскихъ палатахъ, и скоро сталъ многому наученъ, — прозвали его философомъ. Это по нашему значитъ — мудрецомъ. Умѣлъ онъ говорить на многихъ языкахъ и, что въ книгахъ было непонятно, все онъ могъ растолковать.

Всѣ въ Царьградѣ знали его и любили за мудрость, а больше любили его за то, что онъ былъ добрый и ласковый со всѣми и всѣхъ при царскомъ дворѣ смириѣе. Хотя онъ уже и на возрастѣ былъ, а никакой себѣ не видѣлъ радости въ мірскихъ забавахъ.

Боярину тому, что воспитывалъ его, онъ во всемъ покорялся, а бояринъ ему во всемъ вѣрилъ и поставилъ его старшимъ у себя въ домѣ. Была у этого боярина крестница — сирота, дѣвица богатая и хорошаго рода. И задумалъ онъ женить на ней Кирилла и сталъ его уговаривать. Но Кириллъ не хотѣлъ оставаться въ мірѣ, хотѣлъ Богу послужить. Тогда посветили его въ священники и приставили смотрѣть за книгами у святой Софїи. Немного времени спустя, онъ, никому не сказавши, скрылся въ монастырь, что стоялъ далеко за городомъ. Хватились его, стали искать; самъ царь по немъ скучалъ. Черезъ полгода едва нашли Кирилла, вернули его въ Царьградъ: и сталъ онъ учить тамъ всякимъ наукамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. И все равно, какъ вокругъ большаго города строятся меньшія деревушки, такъ столпились около философа ученики. И радостенъ былъ Кириллъ: каждый часъ благодарилъ Бога за то, что Богъ ему даровалъ мудрость и сладость рѣчи на пользу людямъ.

Вдругъ пришли гонцы отъ невѣрныхъ Сарацинъ. Эти Сарацины еще при старомъ царѣ Теофилѣ подступали къ землѣ греческой, разорили одинъ большой городъ и перебили много народа.

Съ тѣхъ поръ они стали гордиться передъ христіанами

свою силою и прислали грамоту, а въ ней написано было: «Какъ это вы, христіане, говорите, что вѣруете въ Бога Единого, а почитаете Его какъ будто въ немъ три Бога и называете Святою Троицею? Если вы можете показать, что это истинно, то пришлите намъ искусныхъ и книжныхъ людей, чтобъ могли они поспорить съ нашими мудрецами».

Царь Михаилъ, получивши эту грамоту, позвалъ патриарха и бояръ и сталъ съ ними совѣтоваться, кого послать. Подумали они и послали Кирилла. И пошелъ онъ къ невѣрнымъ безъ страха, съ усердіемъ: онъ и умереть за Христа не боялся.

Въ ту пору въ городъ сарацинскомъ жили многіе христіане, да только у невѣрныхъ они были въ большомъ униженіи: Сарацины у нихъ у всѣхъ на воротахъ написали дьявольскія изображенія, чтобъ явно было, какъ у нихъ христіанами гнушаются, все равно что нечистыми дьяволами.

Когда Кирилла пришелъ въ этотъ городъ, невѣрные показали ему, что на христіанскихъ домахъ нарисовано, и спросили его: «Понимаешь ли ты это знаменіе?» А онъ имъ отвѣтилъ: «Понимаю я, что здѣсь живутъ праведные люди, и дьяволы къ нимъ войти не могутъ и остаются снаружи; а гдѣ ихъ не видно, тамъ, стало быть, они въ домъ живутъ вмѣстѣ съ хозяевами».

Въ тотъ же день позванъ былъ Кирилла къ столу князя этого города. За столомъ сталъ его спрашивать одинъ сарацинскій мудрецъ:

«Отчего это у васъ, у христіанъ, столько разныхъ толковъ и ересей? у васъ всякій по своему свою вѣру понимаетъ и живутъ все разное, мірине по своему и чернецы по своему? Мы вотъ, по нашему магометанскому закону, и вѣры одной держимся крѣпко и живемъ по нашей вѣрѣ все одинаково». Оттого это, сказалъ Кирилла, что Богъ нашъ, какъ морская глубина, великъ и непостижимъ: человѣку объ Немъ и думать не подь силу. Многіе хотятъ узнать Бога,

да не многимъ дается на это премудрость. Есть люди такіе, что умомъ крѣпки, и сердцемъ смиренны, и отъ Самого Бога добрыми дѣлами заслужили помощь: тѣ и могутъ правильно понимать нашу вѣру. А есть и другіе, что возгордились сами о себѣ; отъ нихъ за это благодать Божія отходитъ, и понадаютъ они въ разныя ереси, — все равно, что гнидой корабль: выйдетъ въ море и тонетъ. Если иной разъ и не совсѣмъ пропадетъ такой человекъ, то все же у него душа не въ покой и не могутъ эти люди ни вѣры въ себѣ настоящей найти, ни истины Христовой познать. А что жизнь у насъ разная, такъ это оттого, что когда Христосъ сошелъ на землю, то не отнялъ у людей прежняго ихъ закона, написаннаго въ десяти заповѣдяхъ, чтобъ худыхъ дѣлъ не дѣлать, не убивать, не красть. Тѣмъ же, кто къ Богу имѣетъ великую любовь и великое усердіе, далъ Спаситель новую Свою заповѣдь, евангельскую, заповѣдь совершеннаго житія. Трудная эта заповѣдь: не всякому ее можно исполнить и никому къ ней Богъ не принуждаетъ. Говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *Мойи вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѡ. гл. 19, 12).

«Поставилъ Богъ человека въ міръ между Ангелами и скотами: до Ангеловъ его не допускаетъ гнѣвъ, и злоба, и всякое тѣлесное желаніе, а отъ скотовъ его отдѣляетъ разумъ и душа безсмертная. И далъ Богъ человеку выбирать себѣ жизнь, какую самъ хочетъ: или, давши волю своему тѣлу, съ тварью безсловесною сравняться, или чистою и праведною жизнію до Ангеловъ небесныхъ подняться.

Путь житія святаго, ангельскаго, немногіе выбираютъ, — именно тѣ, которые желаютъ себѣ высокой награды въ царствіи небесномъ и, взявши крестъ свой, грядутъ во слѣдъ Самому Господу. Это у насъ чернецы: живутъ они въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, ничего мірскаго въ мысляхъ не держатъ и всякій трудъ на себя принимаютъ во славу имени Господня. А прочіе христіане идутъ во спасеніе путемъ просторнѣе: вѣрують во Христа и жизнь свою по вѣрѣ своей

«стараются вести, а живутъ въ городахъ и въ селеніяхъ, каждый при своемъ дѣлѣ, при своей работѣ. Это у насъ міряне.»

«Ваша же вѣра магометанская все равно какъ мелкій ручей, что и всякій можетъ въ бродъ перейти; и законъ вашъ не Божественное что-нибудь, а просто обычай человеческій и соблюдаете вы его все потому, что его легко соблюсти.»

Кончилъ рѣчь свою Кирилль и заговорили Сарацины: «Разскажи намъ, чтобъ мы поняли, какъ вы своему Единому Богу молитесь въ трехъ лицахъ: Отцу, и Сыну, и Святому Духу?»

Тогда Кирилль показавъ имъ рукою на солнце и сказалъ:

«Видите вы» — стоитъ на небѣ кругъ блестящій и отъ него и свѣтъ, и тепло? — По образу и подобію Св. Троицы создалъ Богъ солнце.

«Богъ Отецъ, какъ солнечный кругъ, Единый, безъ начала и безъ конца. Отъ Него рождается Сынъ Божій, какъ отъ солнца свѣтъ и свѣтитъ всему міру. И какъ отъ солнца вмѣстѣ съ лучами свѣтлыми и тепло идетъ, такъ отъ Бога Отца исходитъ Духъ Святой.»

«Всякій различитъ порознь и кругъ солнечный, и свѣтъ, и тепло; а солнце все одно на небѣ. Такъ и Троица Пресвятая: три въ ней лица — Отецъ, Сынъ и Духъ Святой; а Богъ все Единый и Нераздѣльный.»

Не нашли Сарацины, что отвѣтить мудрецу христіанскому и опять спросили его: «Какъ же вы, христіане, ходите на войну и убиваете людей? у васъ въ законѣ написано: «не убей», и въ Евангеліи показано — «всѣхъ любить, а врагамъ прощать обиды и дѣлать добро.» Кирилль имъ на это сказалъ:

«Кто, по вашему, вѣрнѣе служить Богу: кто исполняетъ одну заповѣдь, или кто двѣ заразъ?»

Они ему отвѣтили: никто въ вѣри не служитъ Богу, кто соблюдаетъ обѣ заповѣди. И сталъ имъ говорить Кириллъ: «Правильно вы разсудили; теперь разсудите еще: Это истинно, что Христосъ намъ сказалъ любить ближнихъ; а еще сказалъ Христосъ, что большаго не любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя: Свою обиду долженъ изъ насъ всякій нести съ терпѣниемъ; а другъ за друга мы должны стоять и крови своей не жалѣть. Мы когда воюемъ съ вами, не добычи ищемъ, а другихъ и себя обороняемъ. Вѣдь вы, если покорите какую нибудь землю, то всѣхъ заставляете принимать вашу вѣру и лишаете небеснаго царствія. Такъ меньше намъ грѣха предать тѣлесной смерти нѣкоторыхъ изъ вашихъ воиновъ, чѣмъ если многія наши братья по вѣрѣ христіанской черезъ васъ духовною смертию умрутъ».

Видя въ невѣрныя, что имъ не переспорить Кирилла, что правда вся на его сторонѣ. И задумали они его извести: подбавили ему яду въ питье. И сотворилъ Богъ чудомъ: вышилъ Кириллъ эту чару, что налили ему Сарацины, и остался живъ и здоровъ.

И сбылось, какъ Христосъ обѣщавъ въ Евангелии всѣмъ, кто во имя Его трудится: *аще и что смертно испитъ, не вредитъ ему* (Марк. 16, 18).

Вернулся Кириллъ отъ Сарацинъ и ушелъ въ глухое и тихое мѣсто, не взявъ съ собой ни денегъ, ни пожитковъ; питался только тѣмъ, что ему принесетъ кто нибудь Христа ради, и то побѣтъ немного, а что останется, отдастъ нищимъ. Такъ и жилъ: о завтрашнемъ днѣ не заботился.

Послѣ захотѣлось Кириллу провѣдать брата своего Меодія: пошелъ онъ на Олимпъ—гору и остался тамъ съ братомъ; стали вмѣстѣ спасаться.

У Чернаго моря, гдѣ нынѣ придонскія стѣны, стояло въ то время большое Козарское царство.

Народъ въ немъ былъ въ перемежку: Козары, Жиды

и Сарацины, много было и русских людей. Христианской вѣры тамъ не было и люди жили въ дикости; оныя и домовъ не строили, а скитались съ мѣста на мѣсто, или прятались отъ нечестья въ хворостяныхъ палаткахъ, да въ землянкахъ маленькихъ, словно въ норкахъ. Князь у нихъ назывался каганомъ.

И отпустилъ каганъ къ царю преческому и пословъ за гѣмь, чтобъ они ему сказали: «Мы люди простые: знаемъ, что есть Богъ и молимся Ему; а какъ по Божьему жить, не знаемъ, и многое худое дѣлаемъ по невѣдѣнью. Толкуютъ намъ Жиды, что ихъ вѣра самая лучшая, и Сарацины тоже о своей вѣрѣ говорятъ. Вы, греки, насъ никогда не обижали и слыхали мы, что вы истинно вѣруете. Дайте наставниковъ нашему народу. Пусть они намъ покажутъ ясно вашу вѣру и если мы увидимъ, что она лучше жидовской и сарацинской, то будемъ креститься».

И когда пришли эти люди изъ-за моря и рассказали про нужду свою, что вспомнили въ Царьградѣ, опять про Кирилла, розыскали его и велѣли ему идти къ Козарамъ. Онъ сталъ просить Меѳодія: «Братъ! пойдемъ со мной: я книжный человекъ, а ты, какъ былъ на воеводствѣ, видѣлъ всякаго народу и лучше моего умѣешь говорить съ простыми людьми». Такъ они согласились и пошли. Лежали имъ путь по стенамъ; а въ стѣняхъ жили въ то время Угры, — теперь ихъ называютъ Венгерцами, тоже Мадьярами. Были эти Угры до того страшны, что и на людей не похожи: вмѣсто одежды носили звѣриныя шкуры мѣхомъ вверхъ. И жили по звѣриному: хлѣба не сѣяли, не работали ничего, только разбойничали. Не было отъ нихъ никому ни проходу, ни проѣзду.

Вотъ Кириллъ и Меѳодій шли и сдѣлали приваль въ самый полдень; Кириллъ началъ молиться Богу. Вдругъ, словно вихорь налетѣлъ, набѣжали со стѣни Угры; воютъ какъ волки, — говорятъ ли по своему, или цѣсно поютъ,

подступаютъ къ Кириллу съ оружіемъ, убить его грозятся. А Кириллъ не утрашился, даже головы къ нимъ не повернулъ, — все стоялъ и читалъ: «Господи помилуй».

И усмирились Угры: остановились все кругомъ Кирилла и слушали. Когда же онъ кончилъ молиться, стали кланяться ему до земли. И пропустили его и брата его Меѳодія безъ всякой обиды; еще и дорогу показали.

Скоро пришли Кириллъ и Меѳодій въ Крымъ, остановились въ греческомъ городѣ Херсонѣ, что стоялъ на морскомъ берегу, не далеко отъ Севастополя.

Въ морѣ, близъ того города, были скрыты мощи святаго Климента, папы римскаго; и въ прежніе годы, какъ только бывало настанетъ святому праздникъ, море разступалось и уходило отъ берега и открывалась на днѣ церковь каменная, Ангелами построенная, а въ церкви лежали мощи. Весь народъ ходилъ къ нимъ на поклоненіе и многія отъ нихъ бывали исцѣленія и чудеса. До семи дней стояло море, а какъ исполнится седьмой день, опять все бывало залъетъ водою и опять ничего нѣтъ.

Только лѣтъ за пятьдесятъ до того, какъ придти Кириллу и Меѳодію, за грѣхи города Херсона, мощи перестали являться и всѣмъ христіанамъ была отъ этого великая печаль. Когда Кириллъ и Меѳодій пришли и про это услышали, то стали говорить тамошнему епископу Георгію, что надо чудотворныя мощи изъ моря вынуть. Епископъ ихъ послушалъ: сходилъ въ Царьградъ, взялъ патриаршее благословеніе. Стали они соборно служить молебень на берегу моря.

Молились цѣлый день, а вода все не разступалась. И когда свечерѣло, то епископъ, Кириллъ съ Меѳодіемъ, и другіе священники сѣли на корабль и пустили его по вѣтру. Отъѣхали уже далеко и — вдругъ видятъ — надъ моремъ свѣтъ поднимается, словно звѣзда изъ пучины выкатывается. Подплыли къ тому мѣсту, и показались передъ ними по-

верхъ воды мощи святаго Климента. Всѣ на кораблѣ обрадовались, приняли мощи и съ пѣніемъ, съ ликованіемъ, привезли въ городъ.

Скоро послѣ того Кирилль и Меѳодій опять снарядились въ дорогу. И дали имъ херсонскіе люди часть отъ честныхъ Климентовыхъ мощей; съ тѣхъ поръ Кирилль и Меѳодій, гдѣ бы ни ходили—утверждали вѣру христіанскую, и повсюду носили эту частицу съ собой. Изъ Херсона поѣхали они на кораблѣ къ Козарамъ.

Приняли ихъ тамъ хорошо. Когда они пришли къ козарскому кагану, у него шелъ пиръ. И спросилъ ихъ каганъ: Скажите мнѣ, какого вы рода, чтобъ я зналъ, какъ васъ посадить; у насъ здѣсь по роду мѣста даются.

Кирилль сказалъ: Нашъ дѣдъ былъ первый человекъ на всей землѣ; всѣхъ онъ былъ богаче и вся земная тварь была у него подъ властію. Не сумѣлъ онъ только удержать своей славы и обвинялъ его родъ. Мы теперь для того и трудимся, чтобъ войти въ прежнюю честь нашего дѣда и другой чести не желаемъ. А дѣдъ нашъ, и вашъ, и всѣхъ людей—былъ Адамъ. Всякій родъ отъ него исходитъ.

Подивился каганъ мудрому отвѣту, всталъ съ мѣста своего, поклонился низко обоимъ братьямъ, Кириллу и Меѳодію, и посадилъ ихъ противъ себя. И поднявъ чару, промолвилъ:

«Слава Богу Единому.» Кирилль ему отвѣтилъ: «Слава Богу во Святой Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу.» На это отозвался Жиды, что были тоже на пиру, и стали спорить. Бесѣдовалъ съ ними Кирилль день до вечера: по книгамъ и притчами показывалъ имъ всю ихъ неправду. Сначала шелъ споръ о Святой Троицѣ, послѣ о Матери Божіей.

Случилось тамъ быть нѣсколькимъ изъ Сарацинъ: они подняли голосъ противъ Кирилла за одно съ Жидами; и Кирилль ихъ такъ же, какъ Жидовъ, постыдилъ въ томъ, что ихъ ученіе не Божія правда, а лукавство—чтобъ въ людяхъ разумъ затуманить, отъ правой вѣры отвести. Какъ

огненная струя лилася рѣчь Кириллова: все хитрости невѣрныхъ, какъ воскъ, отъ нея таяли.

Наконецъ поднялся каганъ съ Козарами своими и сказалъ Кириллу: «Хорошо ты все это говоришь и нѣтъ никого мудрѣе тебя въ книгахъ. Видно Богъ тебя къ намъ привелъ на устроенье наше. Только мы по книгамъ мало смыслены: ты намъ просто разкажи, по вашему закону, какъ жить, чтобъ души свои спасти.»

И на утро ои опять собрались Козары и спрашиваютъ Кирилла: «отчего христіанская вѣра всехъ лучше?»

Кириллъ имъ на это сталъ говорить: «Золото чистое узнаютъ люди огнемъ, а правду истинную умомъ. Какъ вы думаете, еслибъ человѣку озябшему кто нибудь сказалъ: пейся холодной воды и постой на морозѣ и согрѣешься; а другой бы сказалъ—пойди грѣться въ теплое мѣсто, къ огню? Чья бы правда была?»

И отвѣтили Козары все въ одинъ голосъ: «была бы правда того, кто отъ холоду тепло присовѣтовалъ». Дальше повелъ свою рѣчь Кириллъ: «Первый грѣхъ отъ чего случился?—отъ сладкаго плода и отъ гордости. Стало быть, чтобъ исцѣлиться отъ него, нужно воздержаніе плоти и смиреніе духа. А это и есть законъ христіанскій. Тяжелъ этотъ законъ въ здѣшней жизни; за то въ будущей тѣмъ, кто его исполняетъ, назначенъ у Бога вѣчный покой. Нашъ законъ, какъ ягодный кустъ, что весною стоитъ въ колючихъ иглахъ, а осенью даетъ хорошія ягоды.»

Тогда первый совѣтникъ кагановъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли Жиды, и сказалъ: «Теперь нашъ гость вашу и сарацинскую мудрость и гордость также разорилъ въ своей христіанской мудрости, какъ въ рѣкѣ потопилъ». А къ Козарамъ обернулся и сказалъ: «Истинно, какъ нѣтъ во всемъ мѣрѣ царя сильнѣе христіанскаго—царя православнаго, такъ и вѣра христіанская всехъ другихъ вѣръ выше».

передъ Богомъ; она только одна и можетъ привести въ небесное царство». И загудѣло по всей толпѣ: «аминь».

Вышелъ Кирилль на середину козарскаго круга и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Братья! кто изъ васъ чего нибудь не понялъ, или въ чемъ сомнѣвается, пусть придетъ ко мнѣ, спрашиваетъ и спорить со мною; для того и я пришелъ, чтобъ служить вамъ словомъ своимъ. Если же кто не хочетъ вѣровать во Христа и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то не моя въ томъ воля, не моя вина, и не мнѣ отвѣчать передъ Богомъ въ послѣдній день, когда придетъ опять Господь на землю судить всѣхъ людей, однихъ въ жизнь, а другихъ въ муку вѣчную».

И заговорили кругомъ Козары: «мы себѣ не враги», — и начали просить крещенія. И приказалъ каганъ, чтобъ никто въ его царствѣ не могъ изъ христіанской вѣры переходить въ жидовскую или магометанскую, ни въ прежнюю козарскую вѣру.

Больше году оставались Кирилль и Меѳодій въ козарской землѣ: все крестили и учили народъ. И когда стали собираться на свою сторону, то каганъ позвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ имъ: «Просите у меня, чего вы хотите; я дамъ вамъ ничего не пожалѣю». Они ему дали такой отвѣтъ: «Мы ничего твоего не хотимъ, а дай ты намъ всѣхъ, кто у тебя есть изъ нашей земли въ плѣну». Каганъ тогда велѣлъ всему своему царству искать и собирать плѣнниковъ земли греческой, а самъ написалъ греческому царю:

«Благодарствуемъ вамъ, что вы къ намъ прислали такихъ умныхъ и святыхъ людей. Прежде мы оцупью ходили какъ слѣпые, а теперь видимъ свѣтъ, потому что поняли настоящую вѣру». Эту грамоту каганъ отдалъ Кириллу и Меѳодію, когда прощался съ ними, и плѣнниковъ всѣхъ сколько было, счетомъ двадцать человекъ, тоже съ ними отпустилъ. Много народу земли Козарской вышло провожать святыхъ

проповѣдниковъ. Полюбили ихъ всѣ, и привыкли къ нимъ, и горевали, что не увидятъ ихъ больше никогда.

Степью пустою шли Кирилль Меѳодій и плѣнники съ ними. И сблизись они съ дороги, воды у нихъ не хватило, а время было лѣтнее, жаркое, колодцевъ же на встрѣчу не попадалось. Истомились странники и затосковали, стали конца себѣ ожидать. Вдругъ увидѣли они: блеститъ на равнинѣ озеро. Всѣ къ нему ринулись, но вода въ озерѣ была соленая и нельзя было ее пить. Больше прежняго приуныли странники; разбрелись по степи воды искать.

Кирилль съ Меѳодіемъ одни остались на берегу; Кирилль такъ ослабъ, что не могъ встать съ мѣста. И сказалъ онъ Меѳодію: «Братъ, зачерпни мнѣ воды; когда Евреи шли съ Моисеемъ по песчаной степи, для нихъ, по Божьему велѣнію, горькая вода становилась сладкой; я вѣрую, что и намъ Богъ поможетъ». Меѳодій зачерпнулъ и подалъ брату, и когда Кирилль началъ пить, то вся вода въ озерѣ вдругъ стала хорошая. Стали святые братья всю толпу собирать, и всѣ пили воду и славили Бога, что помиловалъ ихъ вотъ напрасной смерти. И пошли дальше.

Когда пришли Кирилль и Меѳодій въ Царьградъ, тамъ ихъ хотѣли сдѣлать епископами; они же по смиренію отреклись отъ этой чести. Тогда Меѳодій былъ поставленъ во игумена большаго и славнаго Полихроніева монастыря, а Кирилль остался жить въ Царьградѣ при церкви Св. Апостоловъ. Не долго пришлось св. братьямъ жить въ землѣ греческой, Богъ призвалъ ихъ на великое и славное служеніе—быть апостолами славянъ.

Кругомъ Славянъ жили Нѣмцы: они испугались, что Славяне становятся брѣпки. Король нѣмецкій всѣхъ своихъ подданныхъ поголовно, старыхъ и молодыхъ, призвалъ къ оружію; собралъ три войска, и вошли эти войска съ трехъ сторонъ въ славянскую землю, и стали нападать на славянское племя. Большія были войны и кончилось тѣмъ, что

Нѣмцы одолѣли Славянъ, заставили ихъ приносить по-
дати. Надъ Нѣмцами былъ церковнымъ овладкой римскій
папа. Отъ него у нихъ были священники: сначала все изъ
Рима пріѣзжали; послѣ папа далъ Нѣмцамъ епископовъ, и
они посвящали священниковъ изъ Нѣмцевъ. Но и эти свя-
щенники читали Слово Божіе и служили обѣдню по латыни.
Молились Богу эти священники по латыни, а съ народомъ
говорили по нѣмецки; и никому не удавалось отъ нихъ че-
му нибудь святому научиться. Были ихъ рѣчи, какъ вѣтра
гулъ или воды плесканье, только шумъ напрасный. Не зна-
ли иные Славяне во что ихъ крестятъ, многихъ крестили
насилъно; и было это крещеніе не спасеніе людямъ, а по-
руганіе имени Христова. Спорили другъ съ другомъ изъ-за
приходовъ нѣмецкіе священники, всякій себѣ хотѣлъ боль-
ше народу оттягать. Въ Моравіи оставались свои князья. Они между собою
не ладили, непрестанно разбирали ссоры у нѣмецкаго ко-
роля и тѣмъ еще больше власти его поддавались. Былъ
одинъ славян. князь Мойміръ. Онъ любилъ свой народъ и все
славянство. Горько ему было видѣть, какъ Нѣмцы всюду
возвышаются, а Славяне сами себя губятъ. Бороться же съ
Нѣмцами одинъ онъ не могъ, а другіе не хотѣли. Но Мой-
міръ былъ мудрый; онъ началъ моравскую землю собирать,
мелкихъ князей судѣлы прилагать къ своей землѣ; тѣхъ кня-
зей, что не хотѣли предъ нимъ склониться, онъ сгонялъ
долой съ княженій. Народъ всегда стоялъ за Мойміра: зна-
ли его, что онъ князь хорошій, добра ищетъ для родины.
Замѣтили Нѣмцы, какъ растетъ княжество Мойміра и
догадались, что онъ хотя съ ними не воюетъ, а — первый
имъ врагъ. Окружили они его столицу Велеградъ и отобра-
ли престоль у князя Мойміра: сдѣлали княземъ другаго, по
имени Ростислава. А Ростиславъ былъ такъ же, какъ Мой-
міръ, преданъ родной землѣ. Когда онъ принялъ княжество,

то увидѣлъ, что Моймиръ накопилъ много силы и казны, что скоро можно будетъ потягаться съ сосѣдями. Но первые годы Ростиславъ Нѣмцамъ не противился: каждое лѣто отправлялъ имъ посольство съ дарами. Между тѣмъ готовилъ свою землю къ защитѣ отъ непріятелей: выстроилъ городъ Дѣвинь, всѣмъ на удивленіе, крѣпкій и прекрасный, и еще другіе города. И когда укрѣпился Ростиславъ, то объявилъ Нѣмцамъ войну: король Нѣмецкій привелъ войско въ Моравію, но не смогъ взять ни одного города и повернулъ назадъ со стыдомъ; Ростиславъ за нимъ погнался и почти всѣхъ воиновъ его истребилъ. Прославился князь Моравскій далеко по разнымъ землямъ. Нѣмцы начали его бояться; а для Славянъ онъ былъ, что родной отецъ, надежда и оборона.

Задумывалъ Ростиславъ большой походъ противъ нѣмецкаго короля; только все смущался князь, что нѣтъ у его народа пастырей добрыхъ, самъ Ростиславъ уже крестился и былъ прилеженъ къ вѣрѣ. Размышлялъ онъ: «пока у насъ такъ дѣло идетъ, не будетъ ни вѣры истинной, ни свободы настоящей; надо, чтобъ священники были свои, если же не свои, то не изъ вражьей земли». Сталъ Ростиславъ съ другими славянскими князьями совѣтоваться, откуда призвать священниковъ: изъ Рима, или изъ Царьграда. И судили они: «Римскій папа съ Нѣмцами близокъ; нѣмецкіе священники его же поставленія, онъ ихъ и дастъ въ Моравію, а въ Царьградѣ нѣтъ пристрастія, да и Славянъ тамъ больше знаютъ,—кругомъ Царьграда есть славянскія селенія. Можетъ быть найдутся у Грековъ священники такіе, что умѣютъ говорить по славянски». И простыхъ людей моравскихъ опросилъ о томъ же князь Ростиславъ, когда сходился народъ на вѣче, чтобъ міромъ дѣла вершить. Всѣ одно говорили: «нѣтъ намъ блага отъ Нѣмцевъ и отъ ихъ друзей». Послалъ Ростиславъ въ Царьградъ.

Пришли послы моравскіе къ царю греческому, принесли поклонъ отъ своего князя и сказали:

«Народъ нашъ отъ язычества отрекся, держитъ вѣру христіанскую, да только нѣтъ у насъ учителя такого, чтобъ намъ эту вѣру на нашемъ языкѣ разъяснилъ. Пришлите намъ наставника: отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ».

Царь Михайлъ выслушалъ просьбу моравскаго народа. Потомъ велѣлъ позвать Кирилла философа и сталъ ему говорить: «Я знаю, что отъ усердія твоего ко всѣмъ Божественнымъ дѣламъ ты сдѣлался нынѣ слабъ и боленъ, а все же придется тебѣ пойти въ Моравію, потому что этого дѣла никто кромѣ тебя не можетъ хорошо исполнить. Ты и брата своего Меодія возьми съ собой: онъ тебѣ поможетъ. Вы оба изъ Солуны, а солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски». Кириллъ отвѣтилъ царю: «Хотя и боленъ, съ радостью иду; вы только скажите мнѣ напередъ, есть ли у моравскихъ людей своя грамота, чтобъ я могъ имъ книги написать». Царь на это сказалъ: «Я спрашивалъ, — говорятъ, что нѣтъ у Славянъ своихъ буквъ».

Кириллъ тогда промолвилъ: «Какъ же быть? учить безъ буквъ все равно что на водѣ писать, все и пройдетъ, какъ вода, не утвердится въ людяхъ ученіе: да еще и поймутъ люди не такъ, и никому не будетъ пользы; а мнѣ худая слава будетъ, еретикомъ назовутъ меня».

Царь подумалъ и сказалъ снова: «Если ты захочешь и попросишь у Бога, то Богъ тебѣ откроетъ славянскую грамоту. Велика милость Божія надъ тобой!» Вышелъ философъ изъ царскаго дворца невеселый, не могъ онъ у себя въ умѣ прибрать, гдѣ взять буквы для Славянъ. Грусть ему пришла къ сердцу и забота, и страхъ на него нашель великій. Пошелъ Кириллъ и рассказалъ обо всемъ брату своему Меодию и ученикамъ нѣсколькимъ, самымъ близкимъ. Всѣ они вмѣстѣ стали молиться, просить у Бога помощи въ важномъ дѣлѣ. Послѣ Кириллъ началъ поститься: постился сорокъ дней. И когда миновалъ срокъ поста, то надумались Кири-

ду 38 славянскихъ буквъ: вѣтали ясно у него передъ глазами, словно кто ихъ ему показалъ. Какъ писать славянскую рѣчь этими буквами, тоже пришло ему въ разумъ. И вся забота покинула Кирилла: хорошо ему стало, какъ будто свѣтъ у него въ сердцѣ зажегся и все въ глазахъ кругомъ осіялъ. Сотворилъ философъ еще разъ долгую молитву и сѣлъ переводить Евангеліе съ греческаго языка на славянскій, — съ одного разу перевелъ первую главу отъ Іоанна: *Въ началѣ бѣ Слово*. Это Евангеліе читаютъ у насъ на обѣднѣ въ первый день Пасхи.

И понесъ Кириллъ рукописаніе свое къ царю и къ патріарху: всѣ похвалили новую грамоту. Патріархъ благословилъ Кирилла работать дальше. Меѳодій тоже понялъ славянскую грамоту и пособлялъ брату. И скоро были готовы — переписаны по славянски Евангеліе, и Апостолъ, и Псалтирь, также церковныя службы, обѣдня съ часами, служба утренняя, и вечерняя, и всѣ требы.

Тогда Царь собралъ въ путь Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ. Далъ имъ разной церковной утвари, одежды и денегъ на первое время. Еще далъ имъ нести къ Ростиславу дары и письмо, а въ письмѣ написалъ:

«Богъ нашъ христіанскій сотворилъ у насъ въ Царьградѣ чудо, явилъ буквы въ вашъ языкъ. Пока вы жили во идолопоклонствѣ, у васъ не было своей грамоты, но едва лишь вы увѣровали, Богъ причитаетъ васъ къ великимъ народамъ, даетъ вамъ разумѣніе книжное. Примите отъ насъ то, что дороже золота и цвѣтныхъ камней, книги новыя вашей грамоты. Съ ними я вамъ шлю въ наставники мудреца, того самаго, кому открылись буквы. Соблюдай, князь Ростиславъ, истинную вѣру въ мѣстахъ тебѣ подвластныхъ, и наградить тебя Богъ въ Своемъ небесномъ царствѣ, а на землѣ будетъ имени твоему до вѣку слава, какъ идетъ слава царю Константину, что устроилъ вѣру въ римскомъ государствѣ».

Когда Кирилль и Меодій пришли въ Моравію, Ростиславъ имъ очень былъ радъ, началъ строить церкви. Черезъ годъ уже была кончена первая церковь въ городъ Ольмуць, потомъ еще нѣсколько церквей появилось въ Моравіи. Кирилль освящалъ эти церкви и служилъ въ нихъ по славянски.

Когда пошли слухи по землѣ моравской, что въ новыхъ церквахъ читаютъ Евангеліе и молитвы такъ, что все понять можно, то Мораване бросили латинскія церкви: латинскихъ священниковъ не стали въ дома пускать и сборъ церковный перестали имъ платить. Всѣ начали ходить къ Кириллу: всегда была была народу та церковь, гдѣ онъ служилъ.

Начали Кирилль и Меодій набирать себѣ учениковъ изъ Мораванъ, толковали имъ по книгамъ Священное Писаніе и показывали церковную службу, чтобъ могли эти ученики послѣ быть священниками. Князья и бояре моравскіе съ радостью отдавали своихъ сыновей въ эту науку. Малыхъ дѣтей тоже брали Кирилль и Меодій, учили ихъ новой славянской грамотѣ.

Еще ходили Кирилль и Меодій по городамъ и по деревнямъ, вездѣ носили съ собою Евангеліе и читали народу и наставляли всѣхъ, какъ слѣдуетъ жить и въ Бога вѣровать. Послѣ нихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они учили, поставлены были каменные кресты; до сихъ поръ эти кресты можно видѣть. Въ одной деревнѣ подлѣ дороги былъ большой камень: пришли Кирилль съ Меодиємъ въ эту деревню; собралась толпа народу; святые братья встали на камень и оттуда сверху стали читать Слово Божіе...

Много трудовъ приняли святые братья въ Моравіи, потому что прежде люди моравскіе Бога не знали и жили худо, а латинскіе священники ихъ ничему не учили, только деньги получали: кто больше дастъ, отпускали тому всякій грѣхъ латинскіе священники. Вѣнчали они отъ живыхъ женъ; и если кто богатый убьетъ человѣка, они тоже за это не полагали кары, говорили только: «пусть, кто убилъ, три мѣ-

сидя въстать и пьеть изъ деревянной чашки, къ стеклянной посудѣ не прикасается и будетъ отъ грѣха чистъ.» А Кирилль и Меѳодій ничего такого не допускали: гдѣ видѣли грѣхъ, тотчасъ принимались его исправлять. Уговорами пространными, притчами и чтеніями изъ книгъ, словами Самого Христа наказывали они людямъ, чтобъ оставили грѣшить. И всѣ слушали святыхъ и дѣлали, какъ они говорили, потому что сами Кирилль и Меѳодій жили праведно: для всѣхъ старались, а денегъ ни съ кого не брали, думали только о Божіемъ дѣлѣ, себя самихъ вовсе не жалѣли, не давали себѣ отдыха, ни покою. Заходили Кирилль съ Меѳодіемъ въ такія глухія мѣста, гдѣ никакихъ священниковъ никогда не было. Тамъ люди даже не слышали о христіанской вѣрѣ, идоламъ еще молились. Кирилль и Меѳодій тѣхъ идоловъ сокрушали, царство истиннаго Бога возвѣщали, читали Евангеліе; и такъ какъ оно было по славянски, то всѣ его понимали, и вѣровали, и крестились.

Пошла въ Моравіи хорошая жизнь. Радовался Богъ — благословлялъ съ небесъ эту землю. А діаволь мучился злобою, что люди спасаются. Была ему скорбь — Кирилль и Меѳодія святость безпорочная; лютеетъ геенскаго огня жгала его ненависть къ нимъ. И началъ онъ домогаться угодниковъ Божіихъ погубить и книги славянскія истребить, чтобъ не осталось въ народѣ Кирилля и Меѳодія памяти и чтобъ заглохло все ихъ ученіе. Все равно какъ рыбакъ по водѣ распускаетъ сѣти, пустилъ врагъ свою прелесть по моравскому государству: разжегъ зависть въ сердцахъ у нѣмецкихъ священниковъ, мысли имъ досадою, какъ ядомъ змѣинымъ, отравили. И начали они какъ змѣи шипѣть, другъ съ другомъ сговариваться, какое зло бы имъ зло учинить Кириллу и Меѳодію, чтобъ ихъ изъ Моравіи изыти и опять все дѣлать по старому. Стали нѣмецкіе священники святымъ братьямъ творить

обиды и притѣсненія: запрещали Кириллу служить по славянски. «Молиться нужно или по римски, или по гречески, не то по еврейски, потому что когда Христосъ былъ распятъ на крестѣ, то у него надъ головою Пилать велѣлъ повѣсить доску съ надписью на трехъ языкахъ, на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ; и этимъ, значитъ, Пилать показалъ и утвердилъ навсегда, какіе народы любезнѣе всѣхъ Богу.» Такъ нѣмецкіе священники толковали, а Кириллъ имъ по книгамъ выводилъ, что все народы и все языки имѣютъ къ Богу доступъ въ молитвѣ. И много было у Кирилла по этой причинѣ споровъ. Стали еще нѣмецкіе священники писать римскому папѣ жалобы, что «пришли къ намъ изъ Царьграда какіе то проповѣдники, обѣдни служатъ въ нашихъ приходахъ и церкви святятъ— насъ не спрашиваютъ, весь народъ противъ насъ настраиваютъ.» Прежде мы людей моравскихъ держали въ страхѣ и отъ нихъ имѣли доходъ и честь, а нынѣ тѣ моравскіе люди знаютъ насъ не хотятъ.

Дошли къ папѣ Николаю челобитья нѣмецкихъ священниковъ на Кирилла и Меѳодія, дошла къ нему и молва о святости ихъ. И не зналъ папа римскій, что думать о греческихъ проповѣдникахъ: захотѣлъ онъ ихъ видѣть и вызвалъ ихъ къ себѣ изъ Моравіи.

Кириллъ и Меѳодій взяли книги славянскія, взяли мощи святаго Климента, учениковъ нѣсколькихъ, и пошли.

Была имъ по дорогѣ Панноніа: въ ней княземъ былъ Коцель. Онъ ихъ позвалъ къ себѣ въ г. Блатно, и они тамъ у него долго прогостили, окрестили многихъ. Со всей Панноніи сходился народъ слушать святыхъ братьевъ. И ученики новые вокругъ нихъ собрались: пятьдесятъ Славянъ паннонскихъ научили грамотѣ и церковной службѣ Кириллъ и Меѳодій, пока жили въ Блатиѣ. При прощаніи Коцель ихъ награждалъ дарами, но они не приняли даровъ и такъ же, какъ въ козарской землѣ, просили князя освободить неволь-

никовъ, что на войнѣ были взяты и что отъ бѣдности попали въ кабалу. И по тому святыхъ угодниковъ прошенію отпустилъ Коцель на волю девятьсотъ рабовъ.

За Панноніей Кирилль и Меѳодій миновали береговья славянскія земли: Хорватскую землю, и Далмацію, и землю Сербовъ приморскихъ; вездѣ учили и крестили народъ.

Пришли въ городъ Венецію. Тамъ, какъ на сокола вороны, напали на Кирилла латинскіе священники, стали его обвинять неправильно и грамоту славянскую стали хулить. Говорили они: «Что ты обѣдню служишь не какъ всѣ, а по новому, какъ простые люди говорятъ? развѣ не знаешь ты, что славить Бога можно лишь на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ? И откуда ты взялъ свои буквы: про нихъ ни у апостоловъ, ни у святыхъ отцевъ не сказано?»

Кирилль отвѣчалъ: «Солнце надъ всѣми свѣтитъ, и дождь всюду идетъ, и вся тварь дышетъ одинаковымъ воздухомъ. Такъ и Слово Божіе, сказалъ онъ, для всѣхъ оно дано, и всѣмъ должно быть открыто. Вы говорите, будто есть три языка для церковной службы; а мы знаемъ, что многіе народы, сирскій народъ, и армянскій, и египетскій, и другіе разные служатъ Богу каждый на своемъ языкѣ. Никто этихъ народовъ за это только еретиками не считаетъ, и великіе у нихъ намъ извѣстны подвижники, святые передъ Богомъ. А про буквы я скажу вамъ: мнѣ ихъ Богъ явилъ. Развѣ Богъ не воленъ въ своихъ дѣлахъ? вы Богу грубите вашею молвю, что не всякому языку свои буквы. Если, по вашему, Богъ не можетъ каждому народу даровать отдѣльную грамоту, значить, Богъ не все можетъ, не надъ всѣмъ властенъ; а не хочетъ если, то Богъ у насъ несправедливый, не всѣхъ равно любитъ. И какъ же это у трехъ языковъ будутъ книги, а прочіе всѣ люди на землѣ останутся въ незнаніи и въ неученіи, словно въ ночи темной: будутъ, какъ убогіе, слѣ-

ные или глухія, и пойдуть, все равно что отъ стола чужаго питаться, у иноземцевъ мудрости некасть.

«Впрочемъ чтобъ не думали вы, что слова мои отъ меня самого и поэтому ересь, то вотъ вамъ книги. Давидъ поеть въ Псалмахъ: *Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людие* (Псаломъ 116, 1). Христось говоритъ въ Евангеліи: *Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. гл. 28, 19). И еще сказано, это уже объ васъ: *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемери, яко затворяете царствіе небесное предъ челоуки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѣ. гл. 23, 13)».

Такъ и не осилили Кирилла въ спорѣ латинскіе священники; онъ же ихъ пристыдилъ.

Изъ Венеціи Кирилль и Меѳодій двинулись прямо въ Римъ, а въ то время умеръ папа Николай и вмѣсто него былъ въ папы выбранъ Адрианъ II-й.

Услыхавъ новый папа, что Кирилль и Меѳодій идутъ близкомъ мѣстѣ Климента, святаго несутъ; и вышелъ на встрѣчу Адрианъ со всѣмъ клиромъ и со всѣмъ народомъ. У всѣхъ въ рукахъ были зажженные свѣчи; священники пѣли молитвы.

Адрианъ благословилъ Кирилла и Меѳодія и принялъ отъ нихъ въ даръ Климентовы мощи; тутъ же отъ этихъ мощей начались чудеса. Одинъ былъ въ Римѣ разслабленный съ дѣтства; онъ прикоснулся къ мощамъ и выздоровѣлъ. Книги славянскія тоже принялъ папа Адрианъ, отнесъ ихъ въ церковь Пресвятой Богородицы и самъ святилъ ихъ. На завтра перенесъ Адрианъ книги въ самую большую римскую церковь, въ соборъ святаго ап. Петра, сложилъ ихъ тамъ на престолѣ и приказалъ Кириллу отслужить по нимъ славянскую литургію. Затѣмъ опять въ другой церкви служилъ Кирилль: каждый день гдѣ нибудь въ Римѣ шла обѣдня по славянски.

Но и въ Римѣ нѣкоторые не почитали славянской службы, толковали, что лишь на трехъ языкахъ молитва угодна Богу. Тѣхъ папа Адрианъ проклялъ, назвалъ триязычниками, пилатниками, потому что ихъ ученіе было не отъ Христа, а отъ невѣрнаго Пилата. И посвятилъ папа Меодія во священники.

Два епископа римскихъ обидѣли Кирилла: подняли голосъ противъ его книгъ. Папа пригрозилъ этимъ епископамъ своимъ проклятьемъ; тогда они принесли повинную. Адрианъ ихъ простилъ и велѣлъ имъ посвящать учениковъ Кирилла и Меодія, трехъ во священники, а двухъ во диаконы.

Римскіе люди толпами окружали Кирилла, спрашивали у него про все прежнее, что съ нимъ бывало, какъ онъ училъ народъ въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ мощи святаго Климента изъ моря доставалъ. Иные по два, по три раза приходили къ философу: не могли вдосталь наслушаться его рѣчей. Навѣдался одинъ жидовищъ разумный и книжный: сначала онъ гордо заспорилъ, что нѣтъ Христа. Но какъ сталъ говорить Кириллъ, какъ раскрылъ свою мудрость; то смирился этотъ жидовищъ и обратился въ христіанскую вѣру. И радость была о томъ Кириллу:

Кириллъ все прежде былъ хворый: въ Моравіи ходилъ черезъ силу, въ Римѣ совсѣмъ разболѣлся. И послалъ ему Богъ откровеніе, что смерть его настаетъ. Тогда Кириллъ облекся въ свою самую хорошую, праздничную одежду и сказалъ: «теперь я ни царю, ни кому на землѣ не слуга, одному Богу.» На другой день Кириллъ постригся въ монашество. При постриженіи онъ и принялъ имя Кирилла, а прежде его имя было Константинъ; Кирилломъ же онъ потому назвался, что такъ ему Богъ велѣлъ, когда явился ему въ откровеніи. Послѣ того Кириллъ пролежалъ больной 50 дней; все молился Богу со слезами, чтобъ не оставилъ Богъ славянскія земли, не попустилъ бы стереться въ нихъ правдой, христіанской вѣрой.

И когда началъ умирать Кирилль, то позвалъ Меѳодій и сказалъ ему: «Трудились мы съ тобою, какъ пара воловъ подъ ярмомъ, и вотъ я падаю среди поля на бороздѣ. Я знаю, братъ, что ты любишь свою тихую гору, монастырь свой; но прошу тебя, не оставляй земель славянскихъ, этимъ ты вѣрнѣ спасешь душу.» Еще съ учениками простился Кирилль: въ послѣдній разъ наставилъ ихъ о вѣрѣ, поцѣловалъ каждаго изъ нихъ, благословилъ и сталъ объ нихъ обо всѣхъ молиться Богу. Потомъ затихъ. И вдругъ опять поднялъ голову и промолвилъ: *Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сътъ ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ.* Съ этимъ словомъ преставился Кирилль февраля 14-го дня 869 г. Всей жизни Кирилла философа было 42 года.

Пришелъ Меѳодій къ папѣ Адриану, и говоритъ: «Братъ мой умеръ; позволь мнѣ, отче, взять его тѣло. Когда наша мать насъ отпускала, то заповѣдала намъ: если одинъ умретъ, долженъ другой везти его на родину хоронить.» Папа далъ свое согласіе и самъ приказалъ сдѣлать для Кирилла гробъ крѣпкій, чтобъ годился въ дорогу. Вдругъ пришли къ папѣ римскіе епископы и сказали ему: «Мы Кириллова тѣла не отпустимъ. Богъ намъ этого праведника привелъ и отъ насъ его взять; пусть его прахъ съ нашими угодниками почіетъ.» Адрианъ отвѣтилъ на это епископамъ: «Если вы такъ уважаете Кирилла, то я, ради его святости, преступлю римскіе обычаи, погребу его въ храмъ святаго Петра, гдѣ патриарховъ лишь римскихъ погребаютъ.»

Когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Меѳодій, то онъ пришелъ на совѣтъ папы и епископовъ и сказалъ имъ: «Вы моей слезной жалобы не послушали, волю родительскую не допустили меня исполнить.» Послѣ опять сталъ просить: «Не хороните моего брата у св. Петра, похороните его у св. Климента, гдѣ Климентовы мощи лежатъ. Явились ему эти мощи изъ морской глубины, и въ странствіяхъ онъ съ

ними не разставался, пусть и успокоится подлѣ нихъ.» Въ этотъ разъ епископы Меѳодію не прекословили: погребли Кирилла въ церкви св. Климента. Отпѣваль его папа римскій Адрианъ со всѣми священниками и черноризцами, какіе были въ Римѣ.

Прославилъ Богъ Кирилла: всѣ больные исцѣлялись отъ его гроба. Другіе не могли придти въ церковь, но поминали въ молитвѣ имя Кирилла, и это было имъ на пользу. Римскіе люди на стѣнѣ церковной надъ гробницею Кирилла написали его ликъ, и зажгли этому образу неугасимыя лампы.

Послѣ Кириллова преставленія Меѳодій еще съ полгода жилъ въ Римѣ.

Потомъ пришли послы отъ князя Коцела къ римскому папѣ просить его, чтобъ онъ отпустилъ имъ въ Паннонію Меѳодія. «Не вамъ однимъ, всѣмъ славянскимъ землямъ я отдаю Меѳодія», сказалъ Адрианъ; и написалъ князьямъ славянскимъ, Ростиславу и Коцелу, грамоту, что благословляетъ Меѳодія, и проповѣдь его, и книги его благословляетъ, и что всякій, кто будетъ обижать Меѳодія и хулить его ученіе, долженъ быть проклятъ. Съ этой грамотой приказалъ папа Меѳодію и ученикамъ его идти къ Славянамъ. Меѳодій простился съ братнею могилой и пошелъ прочь изъ Рима: пришелъ прямо въ Паннонію. Коцель обрадовался, что увидѣлъ его, но опечалился, когда узналъ, что Меѳодій пришелъ простымъ священникомъ.

И скоро опять Коцель послалъ въ Римъ Меѳодія съ двадцатью учениками изъ тѣхъ, что Кириллъ и Меѳодій вмѣстѣ наставляли, когда проходили черезъ Паннонію въ первый разъ. Просилъ панионскій князь патриарха римскаго посвятить Меѳодія въ епископскій санъ, учениковъ же его во священники. Адрианъ побоялся не исполнить воли Коцела, потому что въ то время Ростиславъ моравскій побѣдилъ большое нѣмецкое войско и Славяне повсюду взяли верхъ надъ

Нѣмцами. И поставилъ Адрианъ Меодія во епископы Моравіи и Панноніи, а учениковъ его, что съ нимъ вмѣстѣ пришли, сдѣлалъ священниками.

Вернулея Меодій въ Паннонію и самъ уже началъ посвящать учениковъ своихъ во священники и во діаконы. Во всѣхъ концахъ земли паннонской начали слышать люди славянскія обѣдні; а латинскихъ священниковъ такъ же, какъ прежде въ Моравіи, никто не хотѣлъ; дѣлать имъ стало нечего, костелы ихъ опустѣли. Епископъ нѣмецкій, что давно жилъ въ Панноніи, еще у князя Прибины, отца Коцела, тотъ епископъ уѣхалъ съ досады въ нѣмецкую землю и сталъ тамъ худое говорить про Меодія и просить, отъ него защиты. Другіе епископы нѣмецкіе за своего товарища очень оскорбились: рѣшили непременно повредить Меодію.

Едва прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ скончался Кириллъ, и опять случилось у Мораванъ больше горе. У Ростислава былъ племянникъ Святополкъ, Ростиславъ ему далъ въ удѣлъ городъ Нитру, что отнята была у Прибины. Когда Кириллъ и Меодій были въ Римѣ, Ростиславъ бился противъ Нѣмцевъ и Святополкъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ. И не только свои моравскіе Славяне и Чехи собрались вокругъ моравскихъ князей, но и дальнія славянскія колѣна, что жили у холоднаго Варяжскаго моря, также прислали въ помощь дружины. И побѣдили Славяне Нѣмцевъ, укротили ихъ такъ, что Нѣмцы сами первые запросили мира. Князь Ростиславъ съ ними помирился.

Увидѣли Нѣмцы, что сила славянская крѣпче ихъ силы и разсудили, что нужно взяться за хитрость, иначе не будетъ имъ отъ Славянъ спасенья. У нѣмецкаго короля былъ сынъ Карломанъ. Онъ былъ въ дружбѣ со Святополкомъ, и началъ Карломанъ подсылать къ Святополку льстивыя письма о томъ, чтобъ онъ Ростислава извелъ и самъ сталъ на его мѣсто. Писалъ Карломанъ: «Ты, князь, будешь господиномъ надъ всею Моравіей, а мы тебѣ будемъ всегда вѣрные

друзья и помощники.» Святополкъ на эти уговоры прельстился и выдалъ Нѣмцамъ своего дядю, благовѣрнаго князя Ростислава. Едва лишь Нѣмцы князя Ростислава захватили, то всею скоростью повезли его въ свои нѣмецкіе города: тамъ они его ослѣпили, а затѣмъ заключили его въ дальній монастырь, въ тѣсную келью. Въ заключеніи скоро кончилась жизнь Ростислава. Вся Моравія по немъ плакала. А Святополкъ за его злое дѣло сами люди моравскіе взяли подъ стражу, перевезли его черезъ нѣмецкую границу и отдали Нѣмцамъ; Нѣмцы доставили его къ Карломану. И тогда королевичъ показаль Святополку свою дружбу: засадилъ его въ крѣпкую тюрьму, а самъ вошелъ съ войскомъ въ Моравію, что была, какъ сирота, безъ защиты, безъ князя.

И побрали Нѣмцы города славянскіе: все, что встрѣчалось на пути нѣмецкимъ войнамъ, они опустошали, церкви новыя зажигали, народъ убивали тысячами.

Стали жить въ Велеградѣ два нѣмецкіе намѣстника и стали судъ надъ людьми творить не по древнимъ славянскимъ обычаямъ, а по нѣмецкимъ законамъ, никому невѣдомымъ и непривычнымъ.

Какъ избавились Нѣмцы отъ Ростислава, что былъ другомъ Меѳодію, то принялись Меѳодія губить. Съѣхались нѣмецкіе епископы въ Паннонію будто на совѣтъ, позвали Меѳодія. Онъ къ нимъ не захотѣлъ идти, тогда одинъ епископъ нѣмецкій пошелъ въ домъ къ Меѳодію и сталъ его звать съизнова: «приходи, у насъ соборъ, о важныхъ дѣлахъ разсуждаемъ.» Меѳодій отвѣтилъ словами изъ псалма Давидова: *не сяду въ советъ злыхъ и со злодѣями не пребуду.* Епископъ нѣмецкій закричалъ: «иди, говорю тебѣ добромъ, не то—бить тебя стану.» Меѳодій отвѣтилъ: «Какъ ты можешь мнѣ такія слова говорить, я такой же епископъ, какъ ты.» «А вотъ какъ», закричалъ опять Нѣмецъ: схватилъ Меѳодія за руки и поволокъ вонъ изъ дому. Нѣмецъ былъ высокій, здоровый, а Меѳодій былъ слабъ тѣломъ и кротокъ душею,

и не могъ отъ него отбиться. Думалъ Меѳодій: «звѣрь обороняется, когда его берутъ, людямъ же Христось сказалъ: *не противитися злу: но аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. гл. 5, 39).

Явились на соборъ оба епископа и стали все Нѣмцы Меѳодія упрекать: «зачѣмъ ты служишь въ нашей области?» Меѳодій отвѣчалъ: «Эта область не ваша; меня въ ней поставилъ епископомъ папа римскій; берегитесь о каменную гору головами биться, горы не сломаете, а головы свои потеряете.» Нѣмцы на Меѳодія крикнули: «берегись ты противъ насъ идти.» Меѳодій обвелъ глазами кругомъ себя, потомъ взглянулъ на небо, и свѣтель сдѣлался его ликъ, — сказалъ Меѳодій: «Я васъ не боюсь, я правду вамъ сказалъ, и царямъ всегда правду говорилъ, и не мнѣ первому, не мнѣ и послѣдному приходится страдать правды ради. Дѣлайте со мною что хотите: не лучше я тѣхъ многихъ, что мучены были и смерть принимали за единую правую вѣру.»

Тогда нѣмецкіе епископы стали кричать еще громче, такъ что нельзя было понять, кто что говоритъ; потомъ все встали съ мѣстъ своихъ и обступили Меѳодія. Меѳодій началъ просить старшаго изъ епископовъ, Ганнона: «Пустите меня въ Римъ, пусть папа Адріанъ меня осудитъ, если я въ чемъ провинился; онъ меня поставилъ и кромѣ его никто не можетъ меня моего мѣста лишить.» Ганнонъ отвѣтилъ ему: «нѣтъ, не пустимъ тебя», и приказалъ другимъ Нѣмцамъ связать Меѳодія.

И заковали Нѣмцы Меѳодія въ цѣпи, и завезли его въ нѣмецкую землю, — заперли въ темницу. Тамъ всячески надъ нимъ издѣвались, злобу свою показывали: ѣсть не давали они святому по нѣскольку дней; когда зима была, они его босаго съ непокрытою головою выводили на тюремный дворъ, ставили на снѣгу и заставляли его такъ стоять на одномъ мѣстѣ сутки, а то и больше. Батогами тоже били Меѳодія Нѣмцы: они хотѣли, чтобы онъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ Рос-

тиславъ; но Богъ сохранялъ и укрѣплялъ Меѳодія. Ученики Меѳодіевы часто его навѣщали: пробирались они тайкомъ въ городъ, гдѣ Меѳодій томился въ неволѣ; давали денегъ сторожамъ темничнымъ, и тѣ ихъ пускали на малое время поговорить съ наставникомъ; многіе изъ учениковъ ходили нарочно въ Римъ и рассказывали папѣ, что дѣлаютъ Нѣмцы съ ихъ епископомъ. Меѳодій самъ посылалъ нѣсколько разъ письма къ папѣ, жаловался на свою судьбу тяжелую, просилъ защиты. Адриана папы не было уже тогда на свѣтѣ, а новый папа Іоаннъ VIII-й никакого отзыва на всѣ эти вѣсти не давалъ, какъ будто ихъ не получалъ.

Между тѣмъ въ Моравіи счастье опять перекинулось на славянскую сторону. Одинъ священникъ изъ учениковъ Меѳодія, по имени Славоміръ, началъ народъ уговаривать, чтобъ не гнули шеи подъ ярмо—не отдавались Нѣмцамъ, а постояли бы за свою землю. Славоміръ былъ княжескаго роду, сродни Ростиславу. Мораване поставили Славоміра надъ собою начальникомъ: собрались къ нему ратные люди и пошли съ нимъ избивать враговъ. Скоро добыли Славяне Велеградъ; намѣстниковъ нѣмецкихъ прогнали.

Ужаснулись Нѣмцы. Начали совѣтоваться нѣмецкіе князья, какъ со Славянами справиться. И обдумали они: «Отпустимъ мы Святополку и дадимъ ему вести наше войско; онъ воевода славный, противъ него врядъ-ли кто въ полѣ удержится; и въ Моравіи онъ свой, знаетъ всѣ дороги». И сдѣлали Нѣмцы, какъ сказали Святополку, чтобъ онъ шелъ противъ своихъ: они обѣщали, что отдадутъ ему княжество Моравское, если онъ его усмирить.

Святополкъ дошелъ съ Нѣмцами до Велеграда и осадилъ его: размѣстилъ нѣмецкихъ воиновъ станомъ вокругъ города. Но едва лишь вошелъ Святополкъ въ славянскую землю, стало ему на совѣсти тяжело: все ему слышалось, что на ухо ему кто-то шепчетъ: «Ты—измѣнникъ, родины своей разоритель». И думалъ постоянно Святополкъ: «Къ чему я

это все дѣлаю; лучше мнѣ было, покуда я съ Нѣмцами не спознавался, и вѣрно лучше будетъ мнѣ, если я съ ними разстанусь, — не ждатель мнѣ отъ нихъ добра». Вспоминалося все Святополку, какъ его Нѣмцы обошли, подъ замкомъ его держали, а сами черезъ него дѣла свои поправляли; и зло противъ Нѣмцевъ кипѣло у него въ сердцѣ. Когда подходило нѣмецкое войско къ Велеграду, солнце садилось: и увидѣлъ Святополкъ издали стѣны и башни городскія и кресты золотые, — и такъ ему сдѣлалось скучно, что не могъ онъ дольше вытерпѣть. Подождать, пока стало темно и все нѣмецкое войско уснуло, и пошелъ въ Велеградъ. Постучалъ Святополкъ у воротъ, заговорилъ по славянски, — ему отворили. Онъ сказалъ, что пришелъ къ Славоміру посланъ, — его провели. Славоміру Святополкъ открылся и обѣщаль, что отдастъ нѣмецкое войско Славянамъ въ руки. Славоміръ сдѣлалъ тревогу, собрался народъ на площади. Запалили костры, чтобъ свѣтло было. Пришли Святополкъ со Славоміромъ вдвоемъ; и Святополкъ при всѣхъ покался въ своемъ прежнемъ злодѣйствѣ и поклялся людямъ моравскимъ, что всегда имъ будетъ вѣренъ. Они ему зла не попомнили: назвали его своимъ княземъ и тоже присягнули ему на вѣрность. Тогда Святополкъ велѣлъ отворить ворота и всѣмъ воинамъ велеградскимъ велѣлъ, чтобъ шли за нимъ велѣдъ, — сказалъ идти строго, не бряцать оружіемъ. Ночь была черная и до зари еще долго было. И привелъ Святополкъ Славянъ близко къ нѣмецкому стану; сторожа окликнули раза два, Святополкъ имъ отвѣтилъ; они узнали его голосъ, больше не спрашивали, думали, что онъ какія нибудь нѣмецкія войска съ мѣста — на мѣсто передвигаетъ.

И велѣлъ Святополкъ Славянамъ сразу напасть на враговъ. Нѣмцы сонные были, съ испугу не знали что дѣлать; стали звать своего начальника, да не было его. Тогда они совсѣмъ растерялись: одни побросали мечи и побѣжали, а дороги не помнили и прямо попадались къ Славянамъ; дру-

гіе въ темнотѣ, вмѣсто непріятелей, своихъ рубили; немногіе спаслися и ушли черезъ гору въ лѣсъ. Когда разсвѣло и стало видно, то по всему полю, до самаго города, густо лежали нѣмецкія тѣла, словно въ годъ урожайный хлѣба снопы.

И все равно какъ вѣтры приносятъ ненастные тучи съ громомъ и съ дождемъ, такъ слухи объ этой битвѣ нанесли печали въ нѣмецкую землю. Въ рѣдкомъ домѣ не было плача по убитомъ; латинскіе священники съ утра до ночи во всѣхъ церквахъ служили панихиды, заунывно звенѣли колокола. Не долго передъ этимъ Нѣмцы веселились, что побѣждали Славянъ, кровь славянскую проливали; и вотъ веселіе перемѣнилось въ горесть.

Провѣдавъ папа Іоаннъ о томъ, что дѣлается въ Моравіи, и догадался, что настало время князя моравскаго: ему, значить, слѣдуетъ угождать. И отправилъ Іоаннъ двѣ грамоты: одну епископамъ нѣмецкимъ, а другую нѣмецкому королю. Епископамъ написалъ папа, чтобъ они Меодія освободили безъ всякой задержки, и почитали бы его по сану его; а королю писалъ Іоаннъ, чтобъ король епископовъ приглядывалъ, не позволялъ имъ неправдъ надъ Меодиємъ творить.

Послѣ велеградской битвы стало моравское государство такъ сильно, какъ никогда не бывало. Святополкъ женился на сестрѣ чешскаго князя Боривоя, и Чехи обѣщали вмѣстѣ съ Мораванами идти на брань противъ Нѣмцевъ. Сербы приморскіе тоже взялись за оружіе, начали жечь деревни на окраинахъ нѣмецкой земли. Король нѣмецкій собралъ свою послѣднюю казну, созвалъ ратныхъ людей, сколько могъ найти въ своемъ государствѣ; раздѣлилъ ихъ на два войска, одно послалъ на сѣверъ къ Славянамъ поморскимъ, загородить имъ путь, чтобъ не шли они къ Святополку на помощь; съ другимъ войскомъ пошелъ въ Моравію королевичъ Карломанъ.

На Поморьи пришлось Нѣмцамъ такъ худо, что они оттуда уходили въ разсыпную поодиначкѣ.

Въ Моравіи Карломану тоже не было удачи. Святополкъ обошелъ все войско его кругомъ и отбилъ у Нѣмцевъ весь ихъ обозъ со съѣстными припасами. Пришлось Карломану либо голодомъ людей своихъ умерить, либо сдаться въ плѣнъ; а въ плѣну Святополкъ отплатилъ бы королевичу за его дружбу. Но узналъ король нѣмецкій, въ какой бѣдѣ его сынъ, и хватился его выручать: пріѣхалъ поспѣшно — не сражаться уже, а мира просить у князя Святополка. Пока князь и король переговаривались о мирѣ, папа Іоаннъ узналъ снова, что Меѳодій все еще не на волѣ и что епископы нѣмецкіе требъ своихъ не исполняютъ, имени Христова не прославляютъ, живутъ богато и смѣются надъ римскимъ папою, что онъ имъ не указчикъ. Это Іоанну за обиду показалось, и послалъ онъ къ нѣмецкимъ епископамъ священника Павла Анконскаго съ письмомъ грознѣйшимъ, чѣмъ прежде: повелѣвалъ папа епископамъ отпустить Меѳодія и самимъ явиться на судъ въ Римъ; а за то, что они перваго приказа его не исполнили, запрещалъ папа тѣмъ епископамъ на три года служить обѣдн. Этой грамоты не посмѣли епископы послушаться, да и король нѣмецкій ихъ просилъ, чтобы они Славянъ не гнѣвили, а старались бы заслужить у князя Святополка, чтобы онъ скорѣе даровалъ Нѣмцамъ миръ. И не хотѣли нѣмецкіе епископы, а вывели Меѳодія на вольный свѣтъ. Три года протрадалъ Меѳодій въ затворѣ. Богъ покаралъ епископовъ нѣмецкихъ: четверо изъ нихъ, самыхъ злодѣйныхъ, скоро вдругъ одинъ за другимъ умерли.

Когда освободился Меѳодій изъ тюрьмы, то услышалъ, что князь Коцель уже преставился и что Паннонію снова взяли Нѣмцы. И Меѳодій сталъ жить въ Моравіи у Святополка.

Когда была свадьба Святополка съ чешскою княжною, то у Святополка былъ шуръ. Оба князя, Святополкъ и Бо-

ривой, сидѣли рядомъ за столомъ: Святополкъ по правую руку, а Боривой по лѣвую. Начали бояре въ золотыхъ одеждахъ обносить гостей виномъ. Святополкъ первый взялъ чару и передъ тѣмъ, чтобы выпить, перекрестился. Всѣ Мораване тоже исполнили. А Боривой и Чехи были некрещеные и прямо выпили. Другой разъ пошли бояре кругомъ стола, и опять также случилось. Послѣ третьей чары сталъ хмѣль разбирать князя Святополка, онъ сказалъ Боривою: Не хочу съ тобой сидѣть, ты поганый; ѣшь, ѣшь, не благословясь; вотъ твое мѣсто. И столкнулъ Святополкъ шурину своего подъ столъ. Боривой сгоряча не очень обидѣлся. Но когда вернулся Боривой къ себѣ въ Чехію, то сталъ задумываться: не выходилъ у него изъ головы моравскаго князя пиръ. Уставить, бывало, князь чешскій очи въ полъ, нахмурится и думаетъ: «Осрамилъ меня Святополкъ, заромъ что породнился со мной. Развѣ хуже я его? И не въ первый разъ мы это слышимъ: «некрещеные язычники.» Должно и вправду мы хуже, потому что въ насъ вѣры той нѣтъ, что въ нихъ есть. А и у нихъ прежде не было этой вѣры, такіе же — какъ мы — были некрещеные; и мы, значить, если крестимся, такіе будемъ, какъ они; и не стануть насъ погаными обзывать».

Про эти всѣ свои мысли разсказывалъ Боривой супругѣ своей Людмилѣ; онъ съ ней дружно жилъ. Она же вслушивается его рѣчей, помолчитъ, вздохнетъ и послѣ скажетъ: «А хороша моравская вѣра! Какъ твою сестру вѣнчали, я живовалась: церковь золотомъ украшена, лицами разными росписана, точно живые люди со стѣнъ глядятъ. И пѣніе хорошо у нихъ, молитвы такія прекрасныя. Когда Евангеліе стали читать, тоже мнѣ понравилось. Все разсказано: какъ жить, что дѣлать; у насъ этого ни откуда не узнаешь, у насъ люди все творять на-угадъ, каждый по своему разуму, а умъ не у всякаго къ правдѣ тянется. У насъ иной человекъ хочетъ быть добрымъ и не знаетъ, что благо, что зло. И

говорить Боривой: «За то и величаются надъ нами Мораване, что у нихъ про всякій случай жизни есть писанный законъ; живи по писанію, — и тебѣ хорошо будетъ, и людемъ.»

И опять скажетъ Людмила: «У христіанъ, я слышала, послѣ смерти жизньъ будетъ; у христіанскаго Бога на небесахъ есть другой міръ, много прекраснѣе здѣшняго.» А Боривой отвѣтитъ: «Мораванамъ и здѣсь не худо. Такой славы, какъ нынѣ, не было у нихъ, пока не были они крещены. И еще что я думаю: прошлымъ лѣтомъ были Мораване въ горькихъ бѣдахъ, чисто погибали; а теперь опять лучше чѣмъ прежде, красуются. Это имъ, значить, Богъ ихъ помогаетъ.» Такими словами Боривой и Людмила другъ друга утѣшали и вразумляли; наконецъ рѣшили между собою сдѣлаться христіанами.

И когда кончилась война съ Нѣмцами, то Боривой послалъ гонцовъ къ Святополку сказать, что князь чешскій желаетъ креститься, просить священниковъ. Святополкъ промовилъ чешскимъ гонцамъ: «Спросите епископа Меѳодія, пусть онъ выберетъ двухъ или трехъ священниковъ и отошлетъ съ вами къ вашему князю.» Меѳодій самъ пошелъ въ Чехію и окрестилъ Боривоя съ Людмиллой и двухъ ихъ сыновей. Оставался Меѳодій въ Чехіи безъ малаго годъ и освятилъ двѣ первыя чешскія церкви, одну въ Литомышѣ — городѣ, а другую въ Лѣвомъ Градцѣ. Затѣмъ оставилъ Меѳодій въ Чехіи нѣсколькихъ славянскихъ священниковъ и возвратился въ Моравію.

Боривой и Людмила были очень набожны и милостивы къ бѣднымъ. Меѳодій, когда жилъ у нихъ, много ихъ за это хвалилъ. Когда состарѣлся Боривой, то покинулъ свой престоль, построилъ монастырь и сдѣлался въ немъ монахомъ; тамъ и преставился. Людмила тоже создала женскую обитель и постриглась; но Людмилѣ за ея добродѣтель Богъ даровалъ мученичeskій вѣнецъ. Въ Чехіи много было невѣрныхъ; они

креститься не хотѣли и злобились на княгиню; занѣмъ она церкви строить, добрыми дѣлами всемъ примѣръ подаеть и черезъ то народъ чешскій обращаетъ ко Христу.

И разъ невѣрные собрались ночью, напали на монастырь, гдѣ Людмила жила, и зарѣзали старую княгиню, вѣевелью Боривой и Людмила теперь святыя: предъ Богомъ стоятъ, молятся за людей. (Память св. Людмилы 16 сеп.).

Ученики Меѳодія ходили еще дальше Чехіи, на Вислу, въ Польшу. Когда Святополкъ сталъ силенъ, то и польскій король ему подчинился; и тогда Меѳодій посылалъ славянскихъ священниковъ въ Польшу; они окрестили короля и многихъ Поляковъ.

Латинскіе священники и въ Польшѣ и въ Чехіи тоже раньше были. Опять стало имъ досадно, что и епископа моравскаго ученики нигдѣ покою имъ не даютъ, отовсюду ихъ выживаютъ. Но опять на Меѳодія напасть открытою силою Нѣмцамъ было страшно. Говорили они между собой: «Папа римскій постоитъ за Меѳодія, да и Святополкъ не дастъ обидѣть своего епископа; нужно сперва, чтобъ у Святополка къ Меѳодію сердце остыло, тогда онъ самъ выдастъ Меѳодія, а папа Іоаннъ не станетъ защищать того, кто въ опалѣ».

И начали нѣмецкіе священники стараться, чтобъ Меѳодія въ глазахъ Святополка хулою обнести. Это имъ удалось безъ труда.

Святополкъ хотя былъ крещеный, но жилъ какъ нехристь: пьянствовалъ, держалъ по нѣскольку женъ заразъ, въ гнѣвѣ не могъ себя удерживать. Разевирѣпетъ, какъ задрѣ, и начнетъ всехъ кругомъ бить, а то вдругъ велитъ безъ вины казнить человѣка. Чего только не дѣлалъ Меѳодій, чтобъ князя отъ пороковъ отучить! И въ церкви прилежъ укорялъ Меѳодій Святополка, и наединѣ толковалъ ему, какія муки бываютъ грѣшникамъ послѣ смерти и какъ будетъ худо тому, кто не покается — умретъ во грѣхахъ. Въ другое время Меѳодій со слезами упрашивалъ князя, чтобъ онъ

свою плоть укрощалъ, подданныхъ своихъ ради, — говорили Меѳодій: «Твоя жизнь, князь, народу всему соблазнъ; увидишь, скоро Богъ за грѣхи твои прогнѣвается и на Моравію бѣдствія нашлетъ.» Ничего не помогало это князю. Иногда онъ словно одумается, скажетъ: «виновенъ я передъ Богомъ и передъ народомъ моимъ, подождите, я перемѣнюсь», — и недѣли двѣ живетъ князь тихо, а послѣ опять за старое принимается.

Стали нѣмецкіе священники пріѣзжать въ Велеградъ и такъ дѣлали, чтобъ князю попадаться на глаза. Узнавали они, когда собирается князь куда нибудь идти или ѣхать, и становились въ то время у дворцовой ограды. Князь выходилъ и спрашивалъ: «что за люди?» Они приближались, кланялись низко и приговаривали: «мы прибыли изъ дальнихъ мѣстъ ради того, чтобъ на тебя посмотрѣть; повсюду слышно, какой ты великій государь.» Святополкъ ихъ лукавства не отгадывалъ и принималъ ихъ. Они его еще больше удивляли, удивлялись всему, что у него видѣли, — говорили, что нигдѣ нѣтъ красоты такой, какъ при его дворѣ. И всѣ дѣла Святополка они хвалили: когда онъ пьянъ — напивался, они говорили, что вино даръ Божій, на потребу людямъ. Когда Святополкъ во гнѣвѣ кого нибудь убивалъ и послѣ жалѣ нѣмецкіе священники утѣшали его: «Твой гнѣвъ праведенъ, говорили они; не ты виноватъ, что убилъ; а виноватъ убитый, зачѣмъ заслужилъ.» Такія рѣчи пріятны были князю и оставлялъ онъ у себя Нѣмцевъ на житье.

Когда ихъ собралось много, они стали передъ Святополкомъ осуждать Меѳодія, повторяли каждый день: «Къ чему ты, князь, этого старика слушаешь; ты видишь, онъ не похожъ на другихъ людей. Отъ тебя онъ довольно денегъ получаетъ, и прихожане ему приносятъ; хорошо могъ бы онъ жить, а онъ все нищимъ отдаетъ, самъ едва перебивается, почти что какъ нищій. Развѣ можно то исполнять, чего онъ отъ тебя требуетъ: онъ хочетъ, чтобъ люди жили по Писа-

нію, а люди должны жить по природѣ своей. И какъ смѣетъ Меѳодій тебя упрекать въ чемъ нибудь? Ты, князь, владыка надъ своею землею: Меѳодій долженъ твоей волѣ повиноваться, а тебѣ даже не прилично ему уступать.»

И не сталъ больше князь говорить съ Меѳодіемъ и звать его къ себѣ, пересталъ ходить въ церковь. У себя на дворѣ выстроилъ князь часовню, и тамъ нѣмецкіе священники служили для него латинскую обѣдню.

Въ ту пору въ западной церкви начала по людямъ расходиться новая ересь: еретики толковали, будто Святой Духъ исходитъ не отъ Бога Отца только, но отъ Бога Отца и отъ Сына Божія вмѣстѣ. Эта ересь сразу принялась у Нѣмцевъ, а въ Римѣ не всѣ папы уклонялись въ ложное мудрованіе: иные еще по старому вѣровали. Но вотъ услышали нѣмецкіе священники, что и въ Римѣ уже многіе епископы начали учить, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына Божія. И еще тверже стали Нѣмцы при своей ереси, начали восьмой членъ Символа вѣры читать такъ: *И въ Духа Святаго Господа Животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго.* А Меѳодій читалъ Символь вѣры по прежнему и училъ о Святомъ Духѣ какъ у апостоловъ заповѣдано и на вселенскихъ соборахъ постановлено. И спорили нѣмецкіе священники съ Меѳодіемъ и писали папѣ римскому: «Поставленный отъ тебя епископъ Меѳодій еретикъ; онъ Символь вѣры не весь сполна читаетъ и Духа Святаго не такъ исповѣдуетъ, какъ всѣ прочіе священники у насъ въ нѣмецкой землѣ и у васъ въ Римѣ.»

Пришли въ Римъ нарочные съ письмами отъ нѣмецкихъ епископовъ и рассказали папѣ Іоанну, что Меѳодій у Святополка послѣдній человекъ, а самые близкіе князю друзья и совѣтники — Нѣмцы. Тогда Іоаннъ разсудилъ: «Чего мнѣ за Меѳодія заступаться, лучше Нѣмцевъ ублажать; можетъ быть, король нѣмецкій намъ помощь пришлетъ противъ Сарацинъ.» Зналъ Іоаннъ, что для Нѣмцевъ дороже всего

то, чтобъ не было у Славянъ своихъ книгъ, чтобъ служба церковная шла по латыни; тогда нѣмецкіе священники разошлись бы снова служить по всей Моравіи. И послалъ Іоаннъ въ Моравію священника Павла, того самаго, что раньше ходилъ: далъ ему грамоту къ Меѳодію. Этою грамотою запрещалась славянская служба: позволено было только проповѣди послѣ обѣдни говорить по славянски. Прочиталъ Меѳодій писаніе патріарха римскаго и закручинился, и сказалъ самъ себѣ: «Пропали все труды брата моего и мой. Что же будетъ теперь?—будутъ люди приходять въ церковь и стоять—ничего не понимать. И позабудутъ ученіе Христово, воскреснутъ въ Моравіи языческіе обычаи. Нѣтъ, я не стану служить по латыни, это будетъ людямъ вредъ, стало бытъ это грѣхъ, а я грѣха не возьму на свою душу. Пусть на меня гнѣвается Іоаннъ, онъ великъ и силенъ, а Богъ сильнѣе и больше папы римскаго. Богъ же на меня не прогнѣвается за славянскую службу. Я привыкъ все дѣлать для Бога, не для людей, и ничьей мнѣ милости не нужно, кромѣ Божіей. Если Богу и угоденъ, и не хочетъ Богъ моей гибели, то ни папа римскій, и никакая власть земная надо мной не можетъ сдѣлать зла.»

И сталъ Меѳодій служить по славянски, какъ служилъ раньше. Начали Нѣмцы папѣ Іоанну доносить, что Меѳодій папскихъ повелѣній не слушаетъ. Святополкъ тоже говорили нѣмецкіе священники: «Меѳодій и патріарха римскаго не почитаетъ, всё свою волю творить; посмотри на него, когда онъ изъ церкви выходитъ, какъ толпится вокругъ него народъ. Явно мутитъ Меѳодій въ твоёмъ государствѣ. Дали въ томъ, что онъ о Богѣ и о вѣрѣ говоритъ, нѣтъ истины: все ложь и ересь. Нельзя тебѣ, князь, такого епископа у себя держать». И повѣрилъ Святополкъ нѣмецкимъ священникамъ и послалъ одного изъ нихъ просить папу римскаго, чтобъ не былъ Меѳодій въ Моравіи.

Папа Іоаннъ въ то время собирался просить у нѣмцевъ

каго короля защиты отъ Сарацинъ, и радъ былъ Іоаннь, что вышелъ случай услужить Нѣмцамъ. Тотчасъ написалъ онъ двѣ грамоты и отправилъ ихъ съ тѣмъ же нѣмецкимъ священникомъ въ Моравію. Меѳодію писалъ Іоаннь, чтобъ шель онъ въ Римъ на судъ, потому что со всѣхъ сторонъ естъ жалобы, будто епископъ моравскій ересь какую то возвѣщаетъ. А князю моравскому писано было, чтобъ онъ вѣровалъ твердо и неуклонно, ереси бы никакой не поддавался, и что папа самъ будетъ судить Меѳодія и не дастъ ему поблажки, если онъ виновенъ. Отъ короля нѣмецкаго тоже не дождался папа римскій помощи.

Въ греческой землѣ царствовалъ Василій Македонянинъ. Онъ провѣдалъ какъ-то слухомъ, что патриархъ римскій въ большой тѣснотѣ, и явился царь греческій со многими кораблями къ итальянскому берегу и разгромилъ невѣрныхъ, всѣ ихъ суда пожегъ и потопилъ.

Іоаннь принялся служить благодарственные молебны, — самъ думаетъ: «Царь греческій сила великая, вотъ съ кѣмъ нужно дружить». И въ это время пришелъ Меѳодій въ Римъ. Іоаннь учредилъ надъ нимъ судъ. Пока тотъ судъ собирался, папа Іоаннь размышлялъ: «Царь греческій будетъ недоволенъ, если мы обвинимъ Меѳодія за славянскую грамоту, да и мнѣ Меѳодія жаль; онъ человекъ разумный и справедливый, надо его оправдать. Но и оправдывать его не ловко; онъ учитъ по восточному, по гречески, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; если я скажу, что правъ Меѳодій, то выйдетъ, что епископы всѣ мои и я самъ, всѣ мы еретики, потому что по нашему Духъ Святой также и отъ Сына Божія исходитъ. Ну, да я знаю, что сдѣлаю».

Въ Римѣ Символь вѣры читался еще безъ переменъ. И сказалъ папа Іоаннь Меѳодію на соборѣ епископовъ римскихъ: «прочи Вѣрую». Меѳодій прочиталъ, какъ и въ Римѣ читали. Іоаннь сказалъ епископамъ своимъ: «Вы слышатъ

ли, — онъ вѣруеть, какъ мы; стало быть, все ученіе его правильно».

И поставилъ Іоаннъ Меодія архіепископомъ въ славянскихъ земляхъ и позволилъ ему служить по славянскимъ книгамъ. Но еще думалъ папа римскій: «Нельзя идти совсѣмъ противъ Нѣмцевъ; не помогли они въ этотъ разъ, а въ другой пригодятся; хотятъ Нѣмцы, чтобъ славянской грамоты не было, этого я для нихъ не сдѣлалъ; хотятъ они еще быть при дворѣ Святополка моравскаго, — пусть будутъ; нельзя чтобъ Славяне Нѣмцевъ или Нѣмцы Славянъ пересиливали; нужно, чтобъ Славяне съ Нѣмцами всегда въ спорѣ были; тогда и тѣ, и другіе, будутъ прѣзжать ко мнѣ просить суда, и дары привозить будутъ, и почитать меня будутъ, и бояться. Святополку не любъ Меодій, не хочетъ князь его близъ себя имѣть и Таинъ Святыхъ изъ рукъ его принимать. Пусть будутъ около князя священники, какихъ онъ любитъ». И написалъ Святополку Іоаннъ большую грамоту: сначала про Меодія — хвалилъ его папа римскій; потомъ писалъ, что дозволяетъ въ Моравіи славянскую службу; но въ концѣ прибавилъ Іоаннъ: «Если тебѣ, князь, славянская обѣдня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворцѣ латинскую обѣдню отъ нѣмецкихъ священниковъ».

Въ нѣмецкой землѣ королемъ былъ Карломанъ. Отъ него прѣхалъ къ папѣ Іоанну одинъ священникъ и жилъ въ Римѣ. Имя этому священнику было Викингъ; онъ служилъ Карломану, когда тотъ еще королевичемъ былъ, и былъ Карломану Викингъ во всѣхъ дѣлахъ помощникъ. Викингъ былъ человѣкъ злой и коварный, Славянамъ всѣмъ врагъ лютый. Ему отрада была Славянъ мучить, даже къ смерти приводить. Онъ говорилъ: «Славянское племя все равно, что скотина; для того и живетъ на свѣтѣ, чтобъ на насъ, на Нѣмцевъ, работать. Для чего знать Славянамъ Священное Писаніе? Пророкъ Моисей запретилъ скотамъ безсловеснымъ ходить на Синайскую гору, такъ и мы не должны допускать

Славянь поимать Слово Божіе». Славяне Викинга называли сосудомъ діавольскимъ. И про Викинга думалъ Іоаннь: «вотъ король нѣмецкій прислалъ уже на мѣсто Меѳодія своего чело-вѣка; какъ его отъ насъ ни съ чѣмъ отпустить?»

Позвалъ Іоаннь Меѳодія и сказалъ ему: «Теперь иди въ Моравію; враги твои тебѣ нестрашны, ты самъ ихъ выше, надъ тобою одинъ я; если будетъ у тебя какое сомнѣніе, или споръ съ кѣмъ нибудь, прямо пиши ко мнѣ, или самъ приходи. Неси къ Святополку мою грамоту. По этой грамотѣ узнаеть князь, что книги твои уставамъ не противны, а жи-тіе твое всѣмъ христіанамъ поученіе и примѣръ. Но тебѣ одному со всею Моравіей не справиться, я тебѣ дамъ въ по-мощники Викинга». И вышелъ изъ Рима Меѳодій съ Викин-гомъ вмѣстѣ.

Въ Моравіи люди встрѣчали Меѳодія съ радостью, ки-дались ему въ ноги, полы одежды его цѣловали: не чаяли они, что онъ къ нимъ вернется. Явились Меѳодій и Викингъ къ Святополку: Меѳодій отдалъ князю папскую грамоту и сталъ какъ всегда служить обѣди и наставлятъ народъ.

Святополкъ успѣлъ еще крѣпче къ Нѣмцамъ пристать, пока Меѳодій былъ въ отлучкѣ.

Начали они толковать князю и моравскимъ людямъ: «Ме-ѳодій не настоящую грамоту привезъ; у насъ есть другая грамота, и тамъ написано, что Меѳодія нужно изгнать и что архіепископомъ будетъ Викингъ. Тоже говорилъ и Викингъ. А для того, чтобъ люди имъ вѣрили, Нѣмцы сами написа-ли грамоту, подписали ее подъ руку папы Іоанна и печать придѣлали такую, какъ изъ Рима присылають. И начали Нѣмцы эту грамоту показывать и читать всѣмъ, и во двор-цѣ боярамъ, и простому народу въ городѣ.

Опечалились Моравяне, что отнимутъ у нихъ Меѳодія. Меѳодій написалъ Іоанну: «Кого ты, отче, поставилъ архіе-пископомъ: меня или Викинга? И давалъ ли ты ему другое писъмо, кромѣ того, что мнѣ далъ? за что я каждый день

обида горькія несу? заступись за меня, отче, какъ ты въ Римѣ обѣщаль». И разсказаль въ своемъ письмѣ Меѳодію, сколько разъ Викингъ его гнѣвилъ и слезилъ, съ тѣхъ поръ какъ помощникомъ его называется.

Черезъ нѣсколько времени принесли гонцы изъ Рима отвѣтъ на жалобу Меѳодія. Сказали въ Велеградѣ, что будутъ читать папы римскаго грамоту: сошлись люди на княжескій дворъ. Нѣмцы ходили взадъ и впередъ, смѣялись, говорили: «вотъ объявятъ вамъ сейчасъ, что вашъ Меѳодій лишень архіепископскаго сана.» Славяне стояли небольшими кучками и молчали; многіе плакали. Вынесъ одинъ священникъ грамоту и прочель. Папа римскій утѣшалъ Меѳодія, писалъ: «Терпи, Богъ наградить терпѣніе твое». Звалъ Іоаннъ Меѳодія, чтобъ онъ пришелъ въ Римъ и Викинга привелъ на судъ; потомъ писалъ Іоаннъ, что онъ Викингу никакой грамоты не давалъ и что Меѳодій есть истинный и достойный архіепископъ всей Моравіи. И все равно, какъ если солнце взойдетъ, то расходится туманъ холодный съ полей и съ луговъ, тянется на болота, въ чащи глухія, сырыя; такъ послѣ этой грамоты разошлись Нѣмцы со стыдомъ по своимъ домамъ.

Меѳодій хотѣлъ сходить въ Римъ, да раздумаль: «Къ чему я пойду? папа Іоаннъ пишетъ, что жалѣетъ меня, но это на словахъ только; я ему не нуженъ, онъ изъ-за меня не поссорится съ королемъ нѣмецкимъ, не уберетъ Викинга изъ Моравіи. Можетъ быть прикажетъ Іоаннъ Викингу повиניתся передъ мною, а кому отъ этого будетъ польза? Викингъ не исправится еще за посрамленіе свое мнѣ обдумаетъ. Долженъ я быть доволенъ, что грамотою меня оправдали, а пойду, — лишь время потрачу. Я старъ, не долго мнѣ осталось съ Мораванами быть, и недавно я разлучался съ ними.» Не пошелъ больше Меѳодій въ Римъ.

Увидѣлъ Викингъ, что хитрость его ни къ чему была, и придумаль другую уловку. Согласился опять съ другимъ

нѣмецкими священниками, и стали они все́мъ разсказы-
вать, что греческій царь на Меѳодіа гнѣвается и что еслибы
онъ показался въ Царьградѣ, то его осудили бы на смерть
за ересь; потому только и живъ Меѳодій, говорили, они что
царь его изъ Моравіи достать не можетъ.

Богъ опять смилостивился надъ Меѳодіемъ: оправдалъ его,
а клеветниковъ постыдилъ. Вложилъ Богъ въ сердце гречес-
кому царю желаніе благое повидаться съ Меѳодіемъ. И на-
писалъ Меѳодію царь: «Приди къ намъ, честный отче, чтобы
мы тебя увидали и благословенія твоего сподобились, пока
ты еще съ нами живешь на землѣ.» Меѳодій не замедлилъ,
отправился въ Царьградъ; и ученики Меѳодія нѣкоторые,
что съ нимъ вмѣстѣ пришли изъ греческой земли, тоже по-
шли за нимъ, чтобы на родицѣ своей побывать.

Царь и патриархъ приняли Меѳодія съ великою честью,
какъ подобаетъ принимать апостола Божія. Спрашивали они
его, какъ онъ живетъ въ Моравіи; и когда онъ имъ разска-
зывалъ свои печали, они удивлялись его терпѣнію и свято-
сти, просили они его, чтобы онъ въ Царьградѣ оставилъ
одинъ списокъ славянскихъ книгъ и двухъ учениковъ своихъ,
одного священника и одного діакона.

Когда Меѳодій захотѣлъ вернуться къ своимъ духов-
нымъ дѣтямъ въ Моравію, то царь велѣлъ отправить ему
въ слѣдъ подводы съ разными богатыми дарами.

Меѳодій былъ кротокъ со все́ми и милостивъ ко все́мъ,
но и у него силъ не стало терпѣть Викинга окаянство. Какъ
вернулся Меѳодій изъ Царьграда, то произнесъ въ церкви
анаѳемѣ на Викинга: запретилъ ему служить обѣдни. Викингъ
пошелъ жаловаться къ Святополку и такъ съумѣлъ подоль-
ститься къ нему, что князь снова сталъ гнѣваться на Меѳо-
діа. Тогда все́ другіе нѣмецкіе священники, княжіе любимцы,
стали громко шумѣть. Они думали: пусть князь осердится
на Меѳодія до того, что убить его прикажетъ. Говорили
князю Нѣмцы: «Меѳодій за то Викинга обижаетъ, что ты

его любишь, и что онъ тебѣ вѣрный человекъ; мы, князь, тоже тебѣ вѣрны и Меодій насъ не терпитъ, все бранитъ насъ при народѣ. Онъ притворяется только, что тебя уважаетъ; въ мысляхъ онъ другое держитъ.»

Святополкъ выслушалъ совѣтниковъ своихъ и сказалъ: «Правда ваша, нужно Меодія изъ Моравіи изгнать. Покажу я надъ нимъ свою власть.» И уже хотѣлъ дать князь о Меодіи приказаніе, но Богъ не попустилъ грѣха такого. Вдругъ вышла у Святополка ссора съ нѣмецкимъ княземъ Арнульфомъ: объявилъ князь моравскій нѣмецкому князю войну и велѣлъ гнать изъ государства своего не Меодія и славянскихъ священниковъ, а всѣхъ заѣзжихъ Нѣмцевъ.

Меодій началъ жить спокойнѣе. Тогда онъ принялся переводить книги тѣ, что не успѣлъ перевести вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кирилломъ. Перевелъ Меодій весь Ветхій Заветъ, кромѣ книгъ Маккавейскихъ; еще перевелъ правила святыхъ отецъ (по гречески Номоканонъ) и житія святыхъ (по гречески Патерикъ). Началъ Меодій въ мартѣ мѣсяцѣ, кончилъ осенью въ 11 октябрѣ къ 26-му числу. А 26-го дня октября бываетъ праздникъ святаго Димитрія Солунскаго. Меодій этому святому всегда много молился. И въ этотъ разъ, когда кончилъ Меодій переводить книги, то подумалъ, что вѣрно ему святой его любимый помогалъ. И отслужилъ Меодій 26-го октября въ соборномъ храмѣ велеградскомъ обѣдню съ благодарственнымъ молебномъ и съ акаѳистомъ святому Димитрію Солунскому. Зимой послѣ Рождества Меодій освящалъ новую церковь въ городѣ Бернѣ. Великимъ постомъ Меодій занемогъ и съ каждою недѣлею слабѣлъ. Всѣ стали видѣть, что скоро будетъ архіепископу конецъ. И спрашивали Меодія ученики и люди моравскіе: «На кого ты насъ оставляешь, кто будетъ насъ учить и вѣру у насъ блюсти.» Меодій имъ отвѣчалъ: «Будетъ у васъ архіепископомъ ученикъ мой Гораздъ; на немъ благословеніе мое, а вы его любите и почи-

тайте, какъ вы меня любили и чтили. Гораздъ вашей земли человекъ, мораванинъ, вы его знаете, онъ и книгамъ хорошо наученъ и добрыми дѣлами Богу угоденъ. Онъ вамъ постоитъ за правую вѣру.»

Въ Вербное воскресенье Меѳодій пришелъ въ церковь, но служить не могъ отъ слабости. Попросилъ Меѳодій, чтобъ ученики поддержали его подъ руки; всталъ передъ алтаремъ и вслухъ помолился за царя греческаго и за князя моравскаго, за учениковъ своихъ и за весь народъ. Потомъ сказалъ ученикамъ: «Дѣти, я черезъ три дня умру, не оставляйте меня до тѣхъ поръ!» И пошелъ Меѳодій вмѣстѣ съ учениками въ свой домъ. Во вторникъ на Страстной собрались къ Меѳодію священники со всего Велеграда, и многіе міряне, и не отходили отъ него во весь день, стояли вокругъ его постели. И когда закатывалось солнце, то Меѳодій повернулся лицомъ къ окну, взглянулъ на небо и сказалъ: «Господи, въ руки Твои предаю духъ мой.» Вздохнулъ Меѳодій разъ и скончался тихо, словно уснулъ. Это было 6-го апрѣля 885-го года, ровно тысячу лѣтъ тому назадъ. Послѣ брата своего Кирилла Меѳодій прожилъ 16-ть лѣтъ. Хоронили Меѳодія всѣ моравскіе священники, двѣсти человекъ, а народу шло за гробомъ такое множество, что и честь нельзя было; словно морю безкрайнему— не видно было конца толпѣ людской. Всѣ тамъ были: богатые и бѣдные, знатные бояре, и вдовы и сироты, и нищіе бездомные. И плакали всѣ по Меѳодію, какъ дѣти по отцѣ плачутъ. Всѣ знали, кого потеряли, какого наставника великаго, пастыря душамъ и заступника предъ Богомъ. Погребенъ былъ Меѳодій въ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы въ стольномъ Велеградѣ.

Былъ Меѳодій, какъ Ангелъ Хранитель надъ моравскою землею; не стало его и все смутилось. Еще былъ живъ святитель моравскій, когда Святополкъ помирился съ Арнульфомъ, получилъ отъ него Паннонію. Послѣ мира опять стали

Нѣмцы шѣ жить въ Моравіи. Они сначала возрадовались, что нѣтъ Меѳодія, говорили: «Теперь конецъ славянской службѣ въ церквахъ!» А потомъ увидѣли Нѣмцы, что Гораздъ лишь похоронилъ Меѳодія, то началъ по прежнему каждый день обѣдни служить и народъ учить совсѣмъ какъ Меѳодій. Остальные всѣ ученики Меѳодія одинаково, какъ при наставникѣ своемъ молитвой были заняты всегда и трудами праведными, такъ и безъ него тоже дѣлали, еще больше усердствовали, говорили: «Меѳодій теперь на насъ съ небя смотритъ и лучше чѣмъ прежде знаетъ, что есть въ сердцахъ нашихъ и въ мысляхъ.» И снова начали Нѣмцы обсуждать: «Надо намъ скорѣе противъ Горазда что нибудь придумать, а то онъ утвердится на своемъ мѣстѣ, привыкнетъ къ нему народъ, и будетъ намъ Гораздъ тоже, что Меѳодій былъ; также изъза него горевать будемъ; да и другіе всѣ отъ епископа не отстаютъ—дружно работаютъ. А мы тоже другъ за друга постоимъ; и князь опять нашъ, въ немъ вся наша сила.»

И собрались однажды нѣмецкіе священники, позвали на свое соборіе священниковъ славянскихъ. Когда ученики Меѳодія пришли, то Нѣмцы съ ними стали спорить о Св. Духѣ, о томъ, что Духъ Святой исходитъ и отъ Бога Отца, и отъ Сына Божія. Народу моравскаго много стояло тутъ.

Славянскіе священники выслушали, что говорили ихъ недруги, а потомъ сами стали говорить, все по Писанію токовали по Божіей мудрости, не по человѣческой. И черезъ эти рѣчи всѣмъ стало явно, что ученіе нѣмецкихъ священниковъ есть хула на Святаго Духа и что всякій, кто будетъ это ученіе людямъ вѣщать, погибнетъ на вѣки и царствіе Божія не увидитъ, потому что Христосъ сказалъ: *Всякъ убо и хула отпустится человекомъ: а яже на Духа хула, не отпустится человекомъ.* (Мѳ. гл. 42; 31).

И когда услышали Нѣмцы, что вся неправда ихъ наружу вышла, то зажали они себѣ уши, затопали ногами и начали кричать, стали непристойно бранить усопшаго Меѳодія.

всѣхъ его учениковъ. Тогда славянскіе священники ушли домой, а Нѣмцы пошли къ Святополку, говорили ему: «Ученики Меѳодія противъ тебя народъ бунтуютъ, ты вѣришь одинаково съ нами, что Духъ Святой и отъ Отца и отъ Сына исходитъ; они же учатъ народъ своей греческой вѣрѣ, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; они хотятъ, чтобъ народъ былъ не одинаковой вѣры съ княземъ.»

Святополкъ отпразднвалъ славянскимъ священникамъ приказъ прислать во дворецъ двухъ выборныхъ, чтобъ могли говорить съ княземъ. Славяне выбрали епископа Горазда и Климента. Пришли Гораздъ и Климентъ; видятъ, сидитъ князь на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ нѣмецкіе священники. Гораздъ и Климентъ поклонились: тоже стали передъ княземъ. Святополкъ посмотрѣлъ на нихъ грозно и сказалъ: «Что у васъ все споры, нѣтъ покою изъ-за васъ въ моемъ государствѣ?» Гораздъ и Климентъ отвѣчали: «Мы раздѣляемся съ Нѣмцами не своихъ обидъ ради, а потому, что они Духу Святому не воздаютъ хвалы, какъ слѣдуетъ. Въ Псалмахъ Давидовыхъ сказано, что нужно ненавидѣть ненавидящихъ Господа. Пусть Нѣмцы отъ своей лжи отрекнутся, и мы рады съ ними помиримся, братьями ихъ назовемъ.»

Святополкъ раньше столковался съ Нѣмцами, онъ сказалъ: «Мнѣ все равно—о чемъ у васъ раздоръ идетъ; я человекъ неграмотный, книжныхъ всѣхъ хитростей не понимаю и не люблю. Вотъ вамъ мое рѣшеніе: кто первый здѣсь передъ мною покланется, что вѣруеть истинно, тотъ и правъ.» Гораздъ и Климентъ промолвить ничего не успѣли, а уже всѣ сразу Нѣмцы подняли руки вверхъ и закричали: «Клянемся, клянемся; наша вѣра истинная!» Святополкъ сказалъ Нѣмцамъ: «Теперь правда ваша, я отдаю Славянь подъ вашу власть, усмирьте ихъ, какъ знаете.»

Съ того дня пошло въ Моравіи гоненіе на славянскихъ священниковъ. Тѣхъ священниковъ и діаконовъ, какіе были

помоложе, Нѣмцы продали Жидамъ въ работу, деньги большія выручили отъ этой продажи. А старѣйшихъ пять человекъ: Горазда и Климента, еще Лаврентія, Наума и Ангеларія, — тѣхъ Нѣмцы сперва мучили всячески, а послѣ заковали въ желѣзо и посадили въ тюрьму, приставили къ нимъ сторожей немилостивыхъ, такихъ, что никого не пускали въ темницу. И нельзя было набожнымъ душамъ утѣшать мучениковъ и помогать имъ. Были же они въ нуждѣ великой. Нѣмцы имъ въ пищу давали только хлѣбъ да воду, и то не по-многу.

Но Богъ не допустилъ долго страдать вѣры православной исповѣдникамъ. Они ради Духа Святаго терпѣли и Духъ Святой ради ихъ чудо сотворилъ. Одинъ разъ утромъ всѣ пятеро въ тюрьмѣ зашѣли по славянски: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ низпославый, Того, Благий, не отъими отъ насъ, но обнови насъ, молящихся.* И вдругъ затряслась земля, громъ и стукъ страшный послышался по всему Велеграду, дверь изъ темницы сама собою растворилась, цѣпи желѣзныя со святыхъ угодниковъ упали и разсыпались по полу мелкимъ вѣскомъ. Всѣ нѣмецкіе дома въ городѣ разрушились въ тотъ день. Мораване пришли толпою къ Святополку и просили его: «Освободи наставниковъ нашихъ! Богъ свою милость явилъ надъ нами; чудомъ Своимъ показалъ, что ихъ ученіе истинно; неужели мы противъ Бога поидемъ?» Князь обѣщаль Славянамъ, что прикажетъ ихъ священниковъ на волю оставить. Послѣ того пришли нѣмецкіе священники и опять опутали князя, говорили они, «Ученики Меѳодія злы, волшебники, они ворожили и сдѣлали трясеніе земли, чтобъ тебя, князь напугать и народъ смутить.» Святополкъ повѣрилъ Нѣмцамъ и снова позволилъ имъ взять святыхъ страдальцевъ подъ стражу. Тогда Нѣмцы ихъ еще крѣпче заперли и надѣли на нихъ оковы еще тяжелѣе. Прошло три дня и опять зашѣли славянскіе священники: *Господи, Иже*

Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ
низнославимъ. И опять стали слышенъ гулъ подъ землею,
стѣны темничныя — каменные пошатнулись и цѣпи, что бы-
ли на мученикахъ, разбились на много концовъ. Свято-
полкъ тогда былъ въ отъздѣ въ Панноніи. Нѣмцы положи-
ли между собою не говорить ему ничего о томъ, что слу-
чилось. Они боялись, что князь увѣруетъ Божьему чуду и
обратится сердцемъ къ Богу.

Прошло еще десять дней: и въ третій разъ земля вско-
лыхнулась и желѣза на мученикахъ порвались. Нѣмцы оро-
бли, начали думать: Что же теперь выйдетъ? князь непре-
хънно узнаетъ всю правду и не станетъ больше слушать
насъ, велитъ отпустить славянскихъ священниковъ; да и намъ
самимъ страшно ихъ держать; есть въ нихъ дивная сила, не
наша; а убить ихъ еще страшнѣе; Мораване тогда насъ
убьютъ.

Какъ разъ въ ту пору опять явился въ Моравіи Ви-
кингъ. Прямо послѣ смерти Меѳодія онъ поѣхалъ въ Римъ,
повезъ съ собою много денегъ. Іоаннъ VIII умеръ за три
года раньше, чѣмъ Меѳодій, а другой папа Стефанъ VI Ме-
ѳодія не зналъ и книгъ славянскихъ не видалъ. Викингъ
сталъ давать денегъ римскимъ епископамъ, чтобъ передъ па-
пою Меѳодія усопшаго хулили, а книги славянскія называ-
ли бы еретическими. Потомъ и самого Стефана задарилъ.
Викингъ и выпросилъ у него грамоту, какую хотѣлъ. Напи-
салъ папа Стефанъ: Посылаю вамъ во епископы Викинга;
онъ князю предасть и вѣруетъ по нашимъ римскимъ уста-
вамъ; а Меѳодій еретикъ, онъ проклялъ Викинга напрасно,
за это я проклиная Меѳодія и учениковъ его, а славянскую
службу запрещаю навсегда. Въ области римскаго патріарха-
та не будетъ мѣста тому, кто отъ Меѳодія наученъ. Кто ста-
нетъ служить по славянски, тотъ да будетъ изгнанъ изъ мо-
равской земли.

Съ этою грамотою пріѣхалъ Викингъ въ Велеградъ.

Пришли нѣмецкіе священники въ темницу и воиновъ съ собою много привели; воины тоже были Нѣмцы. И велѣли нѣмецкіе священники этимъ воинамъ взять учениковъ Меодія и увести ихъ вонъ изъ города, потомъ сказали мученикамъ славянскимъ: «Кто изъ васъ опять покажется въ Моравіи, того мы смертию казимъ; уходите куда знаете и благодарите насъ, что мы нынѣ васъ не убили.» И стали думать ученики Меодія: «Куда мы дѣнемся?» Климентъ сказалъ: «Намъ дорога въ Болгарію; тамъ князь Борисъ добрый, Бога онъ боится; Борисъ приметъ насъ.» И сказали всѣ: пойдемъ въ Болгарію! Посидѣли святые страдальцы, отдохнули, толковали промежь себя: Кириллъ и Меодій оставили намъ богатство нетлѣнное и мы его умножить должны, да не затерять; оно съ насъ взыщется, богатство это — славянская грамота и служба славянская; мы будемъ въ Болгаріи служить обѣдни по славянски. Въ Евангеліи написано: *Егда же гонятъ вы во градъ семъ, бѣгайте въ друій* (Мѡ. гл. 10, 23).

Близъ болгарской земли жили Сербы: отъ нихъ тоже много приходило богомольцевъ. Хорошо было жить ученикамъ Меодія въ Болгаріи.

Послѣ Горазда Климентъ былъ поставленъ во епископы; онъ много потрудился для болгарскаго народа: не малое число людей болгарскихъ научилъ грамотѣ и посвятилъ во священники; всѣ они служили по славянски. Климентъ скончался, когда въ Болгаріи было уже семь соборныхъ храмовъ и когда служба славянская твердо стала въ болгарской землѣ.

До Болгаріи Нѣмцамъ далеко, они тамъ ничего не могли повредить. И осталась въ Болгаріи вѣра православная и грамота славянская осталась даже до нашего времени. Климентовы ученики, священники и монахи болгарскіе, ходили на востокъ, на рѣку Днѣпръ, проповѣдывали христіанскую вѣру. Славянамъ русскимъ. Русскіе люди благодать Бо-

жю принимали, шли на призывъ Господень, крестились. Съ начала крестились не по многу вдругъ, а послѣ было великое крещеніе русскаго народа при князѣ Владимірѣ.

Болгарскіе проповѣдники приносили съ собою книги славянскія и служили по славянски, и оттого перешла славянская грамота въ Россію. И сбереглось у русскихъ Славянъ богатство нетлѣнное, что оставили Кирилль и Меодій ученикамъ своимъ. И умножилось это богатство: разошлась грамота славянская на всю русскую землю по лѣсамъ и по степямъ до морей дальнихъ.

Книги наши церковныя теперь тѣ самыя, что Кирилль и Меодій переводили; писаны буквами тѣми, что Кириллу отъ Бога были явлены; и молитвы у насъ въ церквахъ поются тѣ же, что Кирилль и Меодій сложили.

Сѣяли Кирилль и Меодій сѣмя Божіе у западныхъ Славянъ, да только тамъ его птицы выклевали, а на Русь нѣсколько зеренъ залетѣло, но упали они на добрую землю и дали плодъ сторичный. Цѣлую тысячу лѣтъ Русскій народъ слушаетъ и читаетъ Слово Божіе на языкѣ для всѣхъ понятномъ, и научается русскій народъ премудрости Божіей, а Божія премудрость выше всякой мудрости людской, все равно какъ солнце на небѣ краше всѣхъ огней, отъ рукъ человѣческихъ зажженныхъ. Въ земляхъ латинской вѣры священники одни вѣру знаютъ, потому что они одни умѣютъ читать церковныя латинскія книги и мірянамъ уже отъ себя ихъ толкуютъ. А въ Россіи церковныя книги на славянскомъ языкѣ, и всѣ православные христіане могутъ эти книги читать и разумѣть.

И крѣпко ученіе Христово въ русскихъ душахъ. Приходили на насъ Татары и Литва, и Шведы, и двадцать языковъ, но удержалась въ Россіи нерушимо православная истинная вѣра. Не сойдетъ народъ русскій съ пути правды Божіей, потому что знаетъ этотъ путь. Не погубятъ люди русскіе Христовой вѣры, потому что имъ эта вѣра открыта.

Открылъ же Богъ свою вѣру русскимъ людямъ и всему славянскому племени черезъ апостоловъ своихъ, святыхъ Кирилла и Меодія. (Издано славян. Комитетомъ.)

Славяне! Пѣсню высокой

Почтимъ Апостоловъ славянъ,

И сладкимъ звукомъ ихъ имянъ

Свой гласъ молитвенно глубокой

И вдохновимъ

И оживимъ

Слава Кириллу, слава Меодію,

Братьямъ святымъ!...

Они молитвъ церковныхъ слово

И все ученіе Христово,

Черезъ изобрѣтенье писмянъ,

Съ языка эллиновъ — чужаго

Перевели на звукъ — роднаго

Для соплеменныхъ намъ славянъ!...

Слава Кириллу, слава Меодію,

Братьямъ святымъ.

Прошли года, — и Русь святая,

Славянамъ кровная, родная,

Христову вѣру приняла

И вмѣстѣ съ вѣрой въ обладанье

Племень славянскихъ достоянье

Тогда ей Греція дала

Слава Кириллу, слава Меодію,

Братьямъ святымъ!

Прошли вѣка, — и просвѣщенье

Межь русскихъ свѣточемъ зажглось,

Струею тихой полилось

Отъ поколѣнья къ поколѣнью,

Отъ предковъ нашихъ, какъ сынамъ,

Оно досталось и намъ.

Слава Кириллу, слава Меодію—

Братьямъ святымъ!

И будетъ славить Русь родная

Святыхъ Апостоловъ славянь.

И сладкимъ звукомъ ихъ имянь

Свои молитвы оглашая,

Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,

Она ихъ память соблюдетъ.

Слава Кириллу, слава Меодію—

Братьямъ святымъ!

По поводу предстоящаго празднованія 6-го апр. 1885 г.

(всеславянскомъ юбилеѣ въ Истор. Вѣстн. профессоръ А. А.

Кочубинскій въ статьѣ «Тысячелѣтіе славянскаго самосозна-

нія» авторъ обрисовываетъ значеніе солунскихъ братьевъ въ

исторіи славянскаго просвѣщенія вообще и русскаго въ осо-

бенности.

Вотъ общая характеристика заслугъ передъ славянствомъ

св. Меодія:

Если младшій Кириллъ былъ и ученѣе, и энергичнѣе

своего старшаго брата, сотрудника, тѣмъ не менѣе главнѣй-

шій трудъ по устроенію славянской церкви, славянской рѣ-

чи, славянскаго и литературнаго языка и письменности под-

нялъ на себя Меодій. Ужь по тому, что онъ былъ назна-

ченъ епископомъ въ Моравію, тогда какъ Кириллъ былъ

только пресвитеромъ, дѣятельность его была болѣе успѣш-

на. Мы, на склонѣ XIX стол., не въ состояніи дать себѣ

точного отчета въ томъ, что сдѣлалъ для нашихъ славян-

скихъ предковъ IX стол. св. Меодій; мы слишкомъ избало-

ваны разнообразіемъ и изысканностью формы произведеній

человѣческой мысли, слова, готовы забыть стариковъ. Но

если мы перенесемъ на мѣста нынѣшняго Берлина, Пари-

жа, за тысячу лѣтъ назадъ, то увидимъ не блестящую кар-

тину: здѣсь—топи и лѣса славянъ браниборскихъ, тамъ—

едва подымающіеся интересы литературы и науки (самъ Карлъ Великій былъ едва грамотенъ). И вотъ—въ это самое время среди славянъ Моравіи и Панноніи является человекъ, который раскрываетъ передъ ними широко искусство письма, удачно приуроченнаго къ выраженію славянской рѣчи, а этимъ снабжаетъ ихъ навсегда могущественнымъ орудіемъ умственнаго развитія и самозащиты. Если бы подвигъ Меѳодія ограничивался одной этой педагогическою дѣятельностью, то и тогда заслуга его безсмертна въ исторіи славянъ. Но подвигъ Меѳодія выше: Меѳодій создаетъ цѣлую обширную письменность, живущую и понынѣ въ славянской православной церкви, и создаетъ литературный языкъ, который, по времени первый въ Европѣ, съ изяществомъ и точностью передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія: славянскій переводъ священнаго писанія, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Меѳодія, художественный, образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу и въ то же время свободный, благородный. Конечно, такой переводъ отъ разу явиться не могъ; но на медленной, продолжительной выработкѣ его, съ тщательными сличеніями, выправками, выработывался самый литературный языкъ, который тогдаже былъ употребленъ Меѳодіемъ на осуществленіе смѣлой мысли—о бокъ съ греческой и латинской церковной письменностью космополитическаго характера создать національную письменность—славянскую, но на точномъ основаніи той и другой, преимущественно же греческой. Являются въ славянскомъ переводѣ назидательныя слова отцевъ церкви, біографіи знаменитѣйшихъ подвижниковъ и дѣятелей христіанства, нравственно-философскіе сборники, сборники церковнаго права.

И Профессоръ Кочубинскій указываетъ между прочимъ, почему письмо Кирилла такъ быстро и легко воспринято было Днѣпровскою Русью: — для воспріятія глаголицы почва у днѣпровскихъ славянъ

ванъ была уже подготовлена прежней жизнью. Если славянская глаголица есть систематизованное *курсивное*, т. е. до-машнее, обиходное письмо грековъ VIII—IX стол., то *русское* письмо, найденное въ употребленіи Кирилломъ въ Херсонсѣ (Корсуни), получаетъ особый интересъ. Гдѣ, какъ не въ Херсонсѣ, коммерческомъ городѣ, ведемъ живыя торговыя сношенія съ приднѣпровскою Русью, греческій курсивъ могъ быть впервые примененъ къ славянской рѣчи, напр., въ торговыхъ сдѣлкахъ, записяхъ, завѣщаніяхъ и прочихъ гражданскихъ актахъ?.. Первую, докирилловскую глаголицу можно бы назвать *торговымъ*, коммерческимъ письмомъ киевской и прочей приднѣпровской Руси...»

Заканчивая свой очеркъ, профессоръ Кочубинскій задается вопросомъ: что сдѣлать намъ достойнаго памяти великаго, но скромнаго историческаго дѣятеля Европы IX-го столѣтія?

Насъ, говоритъ онъ, людей уже жизни, которыхъ время потребити хочетъ, можно только искусственными приемами оживить и сдѣлать воспріимчивыми къ новымъ мыслямъ жизни — на насъ суетное упованіе. Если предки наши X—XI столѣтія такъ горячо интересовались не только дѣлами своей родины, но и племеннаго отечества, сознавали тѣсную связь своего народнаго съ родовымъ, имѣли «стыдѣніе» предъ незнаніемъ своего, то намъ, ихъ отдаленнымъ потомкамъ, ужели кичиться несходствомъ своимъ съ ними?... Они точно и ясно знали, откуда церковь и грамота на Руси, а мы почти забыли и Кирилла и Меѳодія, и намъ надо возвращаться къ сознанію начальныхъ моментовъ нашей образованности и самостоятельной народной жизни. Кому же намъ? Конечно, поколѣніямъ нарастающимъ, а не отходящимъ. Задача возвращенія Меѳодія въ наше національное сознаніе принадлежитъ церкви и школѣ. Церковь и школа, и именно *народная*, должны стать центромъ юбилейнаго ликованія въ «празднество усненія преславнаго», но ликованіе должно быть

свободное, непринужденное, безъ участія опаснаго формализма.

Спеціально о народной школѣ профессоръ Кочубинскій говоритъ:

«Ея слово, обращенное къ дѣтямъ, тѣмъ драгоценнѣе въ интересѣ общей пользы. Дитя требуетъ образнаго, нагляднаго представленія. Одного прочтенія біографіи Кирилла и Меѳодія, какъ бы талантливо она ни была написана, мало; изъ массы свѣдѣній едвали единицы удержатся въ головѣ ребенка. Было бы желательно, по нашему скромному мнѣнію, кромѣ примѣрнаго чтенія, раздачи изображеній перво-святителей славянскихъ, раздача еще другого рода: двухъ картъ, изъ которыхъ одна представляла бы славянство въ эпоху дѣятельности Меѳодія, его распространеніе тогда, другая — славянство настоящей минуты. Изъ простаго сопоставленія обѣихъ картъ было бы ясно одно: славяне, оставившіе церковь Меѳодія или не успѣвшіе совсѣмъ пріобщиться къ ней, потеряли и народную самостоятельность; зато тѣ славяне, которые въ самыя тяжелыя минуты испытаній не оставляли наслѣдія Меѳодія, свято соблюли свое я, свое народное достоинство и свободу».

Прекрасная мысль. Надѣемся, ее оцѣнить, кому то въ судаты надлежитъ. (Нов. Время).

Больше и больше уясняется, что бо дню тысячелѣтній юбилей св. славянскаго апостола Меѳодія готовится въ Велеградѣ, что будетъ искаженъ дѣйствительный смыслъ этого событія и развернется поражающая, недостойная картина глумленія надъ православіемъ и Россіей. Соберутся чествовать этотъ великій славянский праздникъ прежде всего славяне, загубившіе у себя и въ слово славянскихъ апостоловъ, и соберутся не съ сознаніемъ своей славянской немощи, не со скорбію объ этомъ

и желаніемъ возсоздать свое славянство въ духѣ св. Кирилла и Меѳодія, а съ гордостію и тщеславіемъ, которыхъ ничѣмъ нельзя оправдать и можно только объяснить жестокимъ порабощеніемъ западнаго славянства западной Европой, порабощеніемъ и въ религіозномъ и въ гражданскомъ смыслѣ. Папѣ нужно возсоздать на новыхъ мѣстахъ свое могущество, падающее на старыхъ мѣстахъ. Австріи нужно строить свою силу въ славянствѣ послѣ передачи Пруссіи своего историческаго и фактическаго нѣмецкаго первенства. Обѣ политики — папская и австрійская сходятся и обѣ объединяютъ свои пригодныя для этого средства, — одна іезуитовъ, изгнанныхъ изъ большей части западной Европы, другая поляковъ, потерявшихъ историческую почву государственности. Объединеніе этого поражающимъ образомъ выражается въ отрасли іезуитства, — воскресенцахъ, которые всѣ — поляки. Неудивительно, что іезуиты и поляки оказываются главнѣйшими двигателями и западнославянскихъ приготовленій для меѳодіевскаго торжества. Неудивительно и то, что эти историческіе союзники, больше всего враждебные истиннымъ пользамъ славянства, больше всего заботятся о шумѣ торжества. Нѣтъ истины и правды въ помышленіяхъ: хочется закрыть это виѣшнимъ блескомъ. Но неужели и теперь, въ нашъ вѣкъ, такъ хвальнойся уразумѣніемъ лучшихъ путей къ истинѣ, можетъ такъ легко совершаться величайшая славянская ложь; неужели и теперь возможно устроить такъ, чтобы загубившіе у себя дѣло св. Кирилла и Меѳодія оказались лучшими хранителями его и достойнѣйшими читателями, а мы русскіе, среди которыхъ святыя славянскіе апостолы, еслибы воскресли и явились къ намъ, нашли бы все свое родное, неужели мы можемъ оказаться недостойными участниками въ ихъ православіи?

Во второй половинѣ XVI вѣка лучший изъ польскихъ сыновъ, плѣненный іезуитами Скарга высказывалъ сожалѣніе, что греки, передавъ намъ русскимъ христіанскую вѣру,

не передали ея въ формахъ греческаго языка, а оставили намъ въ ней нашъ славянскій языкъ, и самоувѣренно и надменно вѣщаль и польскому и западно-русскому міру, что русскій языкъ никогда не будетъ языкомъ науки, языкомъ ученыхъ академій.

И посрамлено ложное слово поляка, загубившаго въ іезуитствѣ свое славянство. Вскорѣ явилось ученѣйшее и для западной Европы — западно-русское обличеніе папства и польской неправды (Апокрисисъ), а чрезъ полѣвка съ небольшимъ явилась и западно-русская академія (кіевская), наконецъ за ней и отъ нея больше всего и общерусская наука и общерусскіе ученія и учебныя заведенія.

Теперь быстрѣе совершаются событія и еще быстрѣе сознается ихъ смыслъ. Не успѣютъ собраться въ Велеградѣ обманчивые чтители славянскихъ апостоловъ, какъ обнаружится ихъ неправда и нищета. Уже и теперь яенѣе и яенѣе обозначается ожидающая ихъ неудача самаго смущающаго свойства.

Существеннѣйшій смыслъ предстоящаго велеградскаго торжества, какъ оно до сихъ поръ готовится, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что австрійское объединеніе славянъ — самое лучшее ихъ объединеніе и что унія церквей, какъ она есть теперь, самое высшее и лучшее уразумѣніе славянской апостольской проповѣди св. братьевъ Кирилла и Меодія. Уніаты всякаго рода, а въ особенности австрійскіе русскіе уніаты — галичане, угорскіе русскіе получаютъ съ этой точки зрѣнія великое значеніе въ предстоящемъ велеградскомъ торжествѣ. Но кромѣ того они получаютъ при этомъ еще то значеніе, что не только могутъ въ глазахъ Запада представляться укоромъ православной Россіи, но еще могутъ служить единственнымъ орудіемъ воздать церковную честь славянскимъ апостоламъ ихъ церковно-славянскимъ словомъ. Вдругъ обнаруживается неожиданное затрудненіе обратить уніатовъ то въ недостойное орудіе вражды противъ

православія, то въ пригодное средство прикрыть ими такъ далеко ушедшихъ отъ славянскихъ апостоловъ западныхъ славянъ латинскаго закона. Уніаты соблюдаютъ нашъ—юліанскій календарь. Имъ онъ дорогъ, какъ остатокъ старой церковной независимости отъ латинянъ: они давно и ревниво берегутъ его; и вотъ теперь они уже заявляютъ, что не могутъ вмѣстѣ съ латинянами, т. е. по новому календарю праздновать тысячелѣтіе кончины св. Меѳодія, а будутъ его праздновать по старому календарю, 6-го апрѣля, т. е. послѣ латинянъ и вмѣстѣ съ нами православными.

Такимъ образомъ неожиданно ускользаетъ пригоднѣйшее орудіе ложной постановки празднованія великаго славянскаго событія, и славянскій міръ изъ-за этой, повидимому, неважной особенности оказывается раздѣленнымъ не на австрійскую и русскую часть, и не на папскую и православную, а на славянскій міръ латинскаго закона и славянскій міръ церковно-славянскаго закона,—и уніаты не насъ посрамляютъ передъ латинскимъ міромъ и не насъ влекутъ къ нему, какъ того отъ нихъ требуютъ, а сами идутъ отъ него къ намъ и срамятъ своихъ и нашихъ посрамителей.

Смущеніе вносятъ въ злой замыселъ враговъ славянства не одни уніаты. Недоумѣваетъ и колеблется весь славянскій міръ, и раздаются уже лучше голоса и изъ среды западныхъ славянъ: зачѣмъ вражда и обида между славянами въ этотъ великій славянскій праздникъ?

А что же мы русскіе? Будемъ ли мы только наблюдателями совершающихся дѣлъ или и сами будемъ дѣйствовать? Будетъ ли у насъ достойное празднованіе великаго славянскаго событія?

Многіе у насъ смущены и высказываютъ опасеніе. Смущеніе естественно; опасеніе небезосновательное. Сколько разъ мы русскіе проходимъ безоглядно мимо величайшихъ моментовъ нашей исторической жизни! Сколько разъ мы не только не показываемъ чужимъ своей дѣйствительной силы, но

еще и пренебрегаемъ для себя величайшею изъ воспитательныхъ силъ, — нашимъ историческимъ самосознаніемъ.

Но все-таки скажемъ себѣ и всѣмъ, кто встревоженъ нашимъ русскимъ обычнымъ равнодушіемъ: да не смущается пока сердце наше! Можетъ быть мы пишушіе и наблюдающіе не совсѣмъ знаемъ современную нашу Русь. Можетъ быть въ ней уже работаетъ это сознаніе и ищетъ только путей для своего величаваго выраженія. О, еслибы только дѣйствительно вездѣ стало работать наше русское сознаніе того, какъ велики и неистощимы для насъ подвиги нашихъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія! Быстро тогда раскрылись бы даже въ послѣдніе дни надлежащія пути къ достойному чувству этого великаго дня, и наше простое, не дѣланное, а сердечное всенародное торжество залило бы своею ширью и высотой все ложное, дѣланное на западѣ, и славою покрылась бы наша унижаемая теперь Русь даже въ глазахъ нашихъ враговъ. Но не о нашей славы должна быть собственно рѣчь, когда мы говоримъ о прославленіи величайшихъ нашихъ благодѣтелей Кирилла и Меѳодія. Мы этимъ торжествомъ и себя оживимъ среди нынѣшнихъ невзгодъ, и отраду внесемъ въ души смущенныхъ славянъ и самихъ враговъ умиротворимъ нашею великою, но непритязательною силою.

Но если ужъ нужно говорить о практическихъ результатахъ, о надлежащемъ вразумленіи, по крайней мѣрѣ, блуждающихъ и самыхъ надѣдливыхъ нашихъ недоброжелателей, то вотъ теперь у насъ есть самое пригодное и законное средство. Чѣмъ больше будетъ у насъ это славянское торжество, чѣмъ яснѣе въ немъ выступитъ наша народная и религиозная сила, тѣмъ яснѣе всѣ увидятъ, что мы никого и ничего чужаго не думаемъ оскорблять и унижать, что у насъ всякій славянинъ, кто-бы онъ ни былъ, могъ бы спокойно и радостно быть на этомъ торжествѣ и вмѣстѣ съ нами славить великое славянское событіе. Или еще ближе къ прак-

тикъ. Папа прославляетъ нашихъ славянскихъ апостоловъ на весь латискій міръ: пусть папа почтитъ дѣломъ этихъ святыхъ и возстановитъ славянскую литургію у Западныхъ славянъ, у которыхъ она отнята. Но еще скромнѣе и ближе къ намъ вразумленіе. Было у насъ могущественное орудіе противъ папскихъ поползновеній въ предѣлахъ русскаго племени, завели мы было русское прибавочное богослуженіе въ русскихъ приходахъ латинскаго закона. По нашей совѣтливости мы не только не настояли на развитіи этого дѣла, но даже уступили его и почти совсѣмъ уничтожили, даже выдавъ на поруганіе фанатикамъ многихъ ксендзовъ, которые вопіяли, что они русскіе и любятъ Россію, и они должны были большею частью идти съ этимъ воплемъ въ монастырское заключеніе. Теперь лучшее время и множество поводовъ опять поднять это дѣло и заговорить прямою рѣчью подготовителямъ будущей Польши на старинной русской землѣ: почитаете св. Кирилла и Меѳодія, — почите ихъ тѣмъ самымъ словомъ, какимъ они вѣщали слово Христово, почите хотя не всецѣло, а по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ вашей службы, которыя допускаетъ на народномъ языкѣ нашъ собственный законъ!

Ни ученый, ни простой здравомыслящій человѣкъ не можетъ сказать, чтобы польскій языкъ былъ народнымъ языкомъ на русской землѣ, и ни ученый, ни простой здравомыслящій человѣкъ не можетъ не убѣдиться, если захочетъ узнать, что нашъ церковно-славянскій языкъ есть языкъ св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, а нашъ русскій языкъ есть самый вѣрный сынъ того языка.

Все это не ново, все это и мы говорили и давно и недавно, но нужно и теперь говорить, иначе въ самомъ дѣлѣ придется смущаться, хотя бы то и среди самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. (Церк. Вѣст.).

М. Кояловичъ

Къ вопросу о происхожденіи св. Кирилла и Меодія.

Великіе люди, прославившіеся своими подвигами на пользу человѣчества, нерѣдко въ преданіяхъ разныхъ народовъ становятся близкими, родными и всякій народъ, благодѣтельствованный ихъ трудами, старается присвоить себѣ и усиливается доказывать племенное съ ними родство. Такъ случилось и съ св. Кирилломъ и Меодіемъ. Греки, и Латиняне, и Славяне оспариваютъ другъ у друга честь имѣть своими сродственниками равноапостольныхъ просвѣтителей Славянъ. Прежде большая часть изслѣдователей жизни и дѣятельности ихъ склонялась къ мнѣнію, что Кирилль и Меодій были греки; основывались такіе ученые преимущественно на томъ, что св. братья родились въ греческомъ городѣ, отлично знали греческій языкъ, служили въ греческой службѣ, были въ сношеніяхъ съ греческимъ дворомъ (Шлецеръ, Добровскій, Карамзинъ. Ист. т. I. III. Шафарикъ, слов. древ., Копитаръ, Колайдовичъ, И. И. Малышевскій и др.). Прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ въ первыхъ источникахъ нѣтъ какъ въ пользу греческаго, такъ и славянскаго ихъ происхожденія. Но при безпристрастномъ изслѣдованіи вопроса о національности св. братьевъ вѣроятнѣйшимъ оказывается мнѣніе въ пользу славянскаго ихъ происхожденія. Рожденіе въ Солуни, служба при греч. императорѣ, придворныя связи точно, также могутъ принадлежать славянину, какъ и греку (какъ напр. Доброгость, Всегердь (554), Татиміръ (542), Оногость (575), Никита царградскій патріархъ † 780; Гаврилопуло, опекунъ императора, 911 г., императоръ Василій, родоначальникъ фамили Македонской, императоры Юстинъ, Юстиніанъ и др.). — Солунъ — греческій городъ издавна былъ населенъ въ равной, если еще не въ большей степени, славянами.

Македонія въ 5 вѣкѣ была заселена славянами и называлась Славиніею. Доказательство въ пользу славянскаго

происхожденія св. Кирилла и Меѳодія: А priori: мысль о переводѣ чего либо съ своего языка на чужой допустить гораздо труднѣе, необычайнѣе, чѣмъ мысль о переводѣ съ чужаго языка на свой, родной. Такъ велось всегда и вездѣ. Греки всегда и все привлекали къ своему языку, свой языкъ считали образцемъ совершенства. Грековъ всегда тянуло домой, а св. Кириллъ и Меѳодій непрерывно путешествовали къ Хазарамъ, Морavamъ, Болгарамъ и др. славянскимъ племенамъ. Спутники и ученики ихъ ищутъ по славянски, а не по гречески и гонимые они ищутъ убѣжища не въ Греціи, а между славянами. А posteriori: Въ житіи, современномъ св. Меѳодію сказано: «бѣ же рода добра... потому же и греци любящи». Если бы они были греки, то о любви къ нимъ грековъ нечего бы и говорить. Меѳодій былъ назначенъ правителемъ славянъ. Учиться же славян. языку при этомъ назначеніи вовсе немыслимо, слѣд. къ славянамъ послался славянинъ же. Кириллъ, взятый ко двору для воспитанія «четырьми языки и философіи научился: еллински, (гречески), римски, сирски, жидовски». Спрашивается: если бы греческій языкъ былъ природный, то за чѣмъ Кириллу учиться ему и почему не помянуть славянскій языкъ? Кириллъ удержанъ въ Константинополѣ въ званіи учителя: «умолиша и учительный столъ пріяти и учити философіи тоземцы и странне». Здѣсь греки называются туземцами, которымъ Кириллъ былъ странный, чуждый. При описаніи посольства Моравскаго князя Ростислава сказано: «вы бо еста селунянина, да селуняне вси чисто словеньски бесѣдуютъ». Еще: во всякомъ переводѣ, сдѣланномъ чужестранцами, знатокъ съ чуткимъ ухомъ подмѣтитъ чуждое происхожденіе и отгадаетъ безъ труда, своимъ ли языкомъ пишетъ переводчикъ, или чужимъ. Конечно, и будучи природными греками, св. братья могли навывкнутъ славянскому языку еще изъ дѣтства отъ обращенія съ славянами, обитавшими близъ Солуня, могли намѣренно научиться сему

языку, когда призваны были на великое дѣло проповѣди славянамъ; но постигнуть духъ славянскаго языка въ такой степени, чтобы перевести на него свящ. книги, содержащія въ себѣ высочайшія истины божест. откровенія, перевести въ такое время, когда еще вовсе не были установлены формы этаго языка никакими грамматическими правилами, перевести такъ, чтобы дать въ своемъ опытѣ послѣдующимъ племенамъ прекрасный образецъ для составленія такого рода правилъ и подобныхъ опытовъ; можно ли повѣрить, чтобы это въ состояніи были сдѣлать не коренные славяне, какъ бы они ни были учены? Арсеній Сухановъ (въ XVII в.) на Аѳонѣ слышалъ, что св. Кирилль и Меѳодій родились отъ болгаръ. (М. Погодинъ, Прав. Обозр., 1864 Май). Въ доказательство греческаго происхожденія св. Кирилла и Меѳодія приводятъ между прочимъ и то, что они называются греками, или римлянами (Булгаринъ въ «Россіи» 1838 года Априловъ въ брошюрѣ: Болгарскіе книжники Константинъ и Меѳодій, изд. въ Одессѣ 1841 г.). Но извѣстно что этими именами, по тогдашнему обычаю, назывались не одни только природные римляне, или греки, но все христіане, находившіеся подъ властію Царь-града—Новаго Рима, какого бы племени они не были; слѣд. могли называться и коренные славяне, несомнѣнно обитавшіе въ то время въ окрестностяхъ Солуня, родины св. Кирилла и Меѳодія. (Макарій. Арх. Лит. Введ. хр. вѣры въ Рос. стр. 203).

При рѣшеніи вопроса о происхожденіи св. братьевъ и обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что они питали глубокое уваженіе и святому Димитрію Солунскому, считали его своимъ патрономъ. Св. Меѳодій заканчивая, переводъ Библии, посвятилъ трудъ свой этому святому, такъ какъ благополучное окончаніе этого святаго дѣла и полезнаго для славянъ онъ приписывалъ св. Димитрію, какъ своему небесному заступнику и помощнику. Св. Димитрій считается *покровителемъ славянъ*. Императоръ Юстиніанъ (въ 6-мъ вѣкѣ), славянинъ

Управда, построивъ храмъ св. Софiи въ Константинополѣ, желалъ имѣть въ этомъ храмѣ часть мощей св. Димитрія, какъ покровителя своего рода. Изъ сказанiя о посмертныхъ чудесахъ отъ мощей сего святаго видно, что къ нему притекали знатные люди б. ч. изъ славян. странъ (напр. Леонтiй, Плюстрiй, Маринъ и др.) изъ Иллирии—славянской земли). Первый величественный храмъ надъ мощами св. Димитрія построилъ Леонтiй изъ Иллирии. Въ 10-мъ вѣкѣ убѣжденiе о пособiи, и покровительствѣ св. Димитрія славянамъ было общее у грековъ. По случаю взятiя Константинополя русск. великимъ княземъ Олегомъ, пр. Несторъ въ своей лѣтописи замѣчаетъ: *убояшася греци и рекоша: нѣсть се Олегъ, се св. Димитрiй посланъ на ны отъ Бога* (лѣт. 18 стр.). Именемъ св. Димитрія, какъ патрона славянъ, въ 12 вѣкѣ братья Петръ и Иоаннъ Асени—возбудили возстать противъ грековъ освободиться отъ ихъ ига и—основать Болгарское (Славянское) царство. Болгарскiе цари обыкновенно короновались въ церкви св. великом. Димитрія, какъ своего небеснаго покровителя, въ г. Тырновѣ (Априловъ, Деница стр. 73). И доселѣ въ народ. пѣсняхъ у славянъ (Болгаръ, Сербовъ и др.) св. Димитрiй представляется охранителемъ не только ихъ самихъ, но и все ихъ имущество (Чт. Общ. него и Рос. Древ. 1872).

Убѣжденiе въ особое покровительство св. Димитрія Солунскаго—знаменитаго отечестволюбца перешло и къ Русск. князьямъ. Не имѣя возможности имѣть цѣльбоносныхъ мощей св. Димитрія русск. князья считали необходимымъ для огражденiя своего государства отъ враговъ имѣть частицу отъ мощей св. Димитрія, или муро отъ его гроба. Принесенiю гробовой доски—отъ мощей св. Димитрія изъ Солуня съ изображенiемъ сего святаго русскiе (въ 1197 г.) такъ были рады, что установили праздникъ ради этого событiя (см. Агиологiя Востока, Арх. Сергiя). Икона св. Димитрія (писанная на гробовой его доскѣ) считалась

огражденіемъ царствующ. городамъ, покровомъ и защитою русск. государства. ¹⁾ Въ періодъ татарскаго ига возвысился Владиміръ и въ этотъ городъ была взята изъ Кіева вышеупомянутая икона; св. Димитрію былъ построенъ во Владиміръ знаменитый Дмитріевскій соборъ (до нынѣ существующій). Москва, съ теченіемъ времени, осилила другіе города стала во главѣ удѣл. княжествъ и икона св. Димитрія была перенесена въ Москву. Въ Успен. Москов. соборѣ, построеніемъ котораго связано предсказаніе о славѣ и величіи Москвы—устроенъ придѣлъ св. Димитрію и мѣстною иконою въ иконостасѣ—икона св. Димитрія, перенесенная изъ Владиміра, утратившаго уже свое политич. значеніе. Замѣчательно, что Дмитріев. придѣлъ въ Успен. соборѣ считался по преимуществу царственнымъ (какъ придѣлъ похвалы Божіей Матери—исключительно для избранія дух. лицъ.

Въ олтарѣ Димитр. придѣла хранились государств. регалии (бармы, кресты); въ этомъ придѣлѣ русскіе цари воздѣвали на себя весь царскій нарядъ и отсюда исходили въ большіе праздники на крестные ходы и другіе торжества ²⁾. Такимъ образомъ въ исторіи славян. народовъ (и среди русскихъ) св. Димитрій Солунскій является по преимуществу *покровителемъ славянъ. Просвѣтители славянъ св. Кирилл*

¹⁾ Какъ велико уваженіе Славянъ къ св. Димитрію, какъ своему покровителю, видно изъ того что Императоръ Австрійскій Іосифъ 2-й († 1790), сокращая праздники для славянъ, обитавшихъ въ его владѣніяхъ (въ Буковинѣ) на равнѣ съ двенадцатыми и великими праздниками оставилъ въ числѣ вел. праздниковъ день св. велик. Димитрія Солунскаго (Дух. Бесѣда 1874 г.).

²⁾ Въ старинныхъ русскихъ стихахъ и былинахъ св. вел. Димитрій Солунскій представляется по своему происхожденію русскимъ. На русскую землю началъ бѣгобожный Мамай, объ этомъ два ангела извѣщаютъ св. Димитрія и—тотъ говоритъ имъ: «и не дамъ ему свой городъ повишъ зорить, и не дамъ своихъ людей всѣхъ повишъ губить и Божья церква на дымъ пустить». Св. Димитрій по народ. стихамъ представляется вступающимъ въ битву съ Мамаемъ. Ермакъ покоряетъ Сибирь и—св. Димитрій считается покровителемъ завоевателемъ Сибири. Сибирь съ того времени считается покровомъ св. Димитрія Солунскаго. (Подробнѣе см. жѣсц. русск. свят. 26 Окт.).

и *Меодіи*, считавшіе своимъ небесн. патрономъ св. Димитрій, прибѣгали съ мольбой къ нему о благоусиѣнности своихъ апостол. подвиговъ, среди славянъ, посвящавшіе его имени свои труды, посвященные христ. просвѣщенію славянъ, безъ сомнѣнія, и сами были славяне.

Патріархъ Фотій какъ соучастникъ великаго дѣла свв. Кирилла и Меодія.

Подъ такимъ заглавіемъ въ № 37 *Кіевлянина* помѣщена слѣдующая замѣтка: «6 февраля въ церкви кіевского греческаго монастыря св. Екатерины совершено молебное служеніе въ чествованіе памяти блаженнаго патріарха константинопольскаго Фотія, какъ отца славянской церкви, пострадавшаго за правду (осужденіемъ на заточеніе) въ 891 году 6 февраля. День этотъ, какъ день поминанія блаженнаго Фотія, означенъ въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ мѣсяцесловахъ и между прочимъ въ хранящемся въ Кіевскомъ Академическомъ Музеѣ рукописномъ мѣсяцесловѣ. Этотъ великій учитель и іерархъ былъ наставникомъ св. Кирилла въ наукѣ человеческой и божественной; онъ послалъ его и брата его св. Меодія на апостольскіе труды къ Козарамъ и Моравамъ и много послужилъ въ дѣлѣ обращенія ко Христу Болгаръ и Русскихъ. Съ полнымъ правомъ самъ онъ усвоялъ себѣ начало духовнаго возрожденія этихъ послѣднихъ народовъ, какъ-то видно изъ его знаменитаго окружнаго посланія 867 года и посланія къ болгарскому князю Борису—Михаилу и имѣлъ право говорить о нихъ словами апостола народамъ: «вы плодъ моихъ трудовъ, вы похвала и слава моя!» Поминайте, говоритъ тотъ же св. апостоль, наставниковъ вашихъ, которые проповѣдали вамъ слово Божіе и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ». Вѣра Фотія была вѣра апостоловъ и отцовъ.—Для насъ, сыновъ право-

славной „славяно-русской“ церкви“ Фотій—благовѣстникъ Христовъ.

«Не знаемъ, почтили ли Латиняне 13 декабря, день годичной памяти папы Іоанна VIII, покровителя св. Меодія и друга блаженнаго Фотія, который называлъ его своимъ Іоанномъ, своимъ другомъ, ибо, выражался онъ, этотъ Іоаннъ принималъ мою сторону, защищалъ меня. Но знаемъ, что имя этого папы было опорочено Латинянами, допустившими иѣмецкому клиру обозвать его „паписсою Іоанною“ за слабость, какую онъ будто бы показалъ въ дѣлѣ Меодія и Фотія, какъ даютъ понять Бароній и др. латинскіе писатели. Съ своей стороны не можемъ не пожалѣть, что и самъ Іоаннъ не устоялъ въ защитѣ дѣла св. Меодія и блаженнаго Фотія и потому въ воспоминаіяхъ объ этомъ дѣлѣ для насъ остались неразлучными только имена Фотія, Константина-Кирилла и Меодія. Готовясь къ великому торжеству чествованія тысячелѣтней памяти св. Меодія, а съ нимъ и брата его св. Кирилла, почтимъ благочинно память и блаженнаго Фотія, наставника сихъ просвѣтителей славянскихъ, который былъ первымъ просвѣтителемъ Русскихъ, потому что онъ прислалъ имъ перваго епископа, и этотъ Фотіевъ ученикъ и епископъ крестилъ русскаго князя Аскольда и съ нимъ другихъ русскихъ. „Руссы, писалъ блаженный Фотій въ извѣщеніе къ всей христіанской церкви, Руссы преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую христіанскую вѣру, приняли отъ насъ епископа и учителя и ведутъ себя, какъ послушные дѣти и друзья“. Крестъ, водруженный на высотахъ кіевскихъ св. апостоломъ Андреемъ, основателемъ церкви въ Византіи, былъ и пророчественнымъ символомъ великаго призванія будущей патріаршей столицы въ дѣлѣ просвѣщенія Русскихъ, какъ и другихъ славянъ—призванія, первымъ совершителемъ котораго былъ блаженный Фотій, другъ и наставникъ св. Кирилла и Меодія“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

6-го числа будущаго Апрѣля, славянскій міръ будетъ праздновать тысячелѣтіе кончины равноапостольнаго Просвѣтителя своего Св. Меодія. Нѣтъ нужды говорить здѣсь о томъ, какъ важны для Россіи заслуги равноапостольныхъ братьевъ, Св. Кирилла и Меодія, научившихъ насъ и грамотѣ родной и вѣрѣ православной, и какъ, поэтому, должна быть священна память о нихъ для cadaго изъ русскихъ, особенно для тѣхъ, кои посвятили или готовятся посвятить себя на служеніе отечественному языку и родной вѣрѣ. Чтобы лучше освѣжить и болѣе укрѣпить благоговѣнное памятованіе равноапостольныхъ учителей славянскихъ въ моихъ соотечественникахъ, я намѣреваюсь издать въ свѣтъ къ предстоящему торжеству, имѣющееся у меня въ достаточномъ количествѣ, собраніе картинъ (18), относящихся къ важнѣйшимъ моментамъ благотворной дѣятельности Св. Кирилла и Меодія, прекрасной работы извѣстныхъ художниковъ нашихъ Сѣрякова и Бронникова. Двѣ изъ этихъ картинъ, одна большаго, а другая меньшаго формата, изображающія вмѣстѣ Св. Кирилла и Меодія, будутъ изданы отдѣльно, а прочія въ альбомѣ, разныхъ видовъ: въ кожѣ, каленкорѣ и въ бумагѣ, съ золотымъ тисненіемъ на оберткахъ. Всѣ картины будутъ напечатаны на лучшей бумагѣ въ два тона, кромѣ отдѣльно издаваемой картины меньшаго формата. Цѣна съ пересылкою—альбома въ кожѣ 2 руб. 25 коп., въ коленкорѣ 1 руб. 50 коп., въ бумагѣ 75 коп., экземпляръ отдѣльной картины, большаго формата 10 коп., меньшаго—5 коп. Доставка требуемыхъ изданій будетъ производиться по высылкѣ денегъ, кромѣ учебныхъ заведеній, которымъ удобнѣе выслать деньги по полученіи изданій. Требованія должны поступать къ издателю заблаговременно. За двѣ недѣли до 6-го ч. Апрѣля заказы не принимаются. Адресъ издателя:

Одесса, въ Дирекцію народныхъ училищъ Херсонской губерніи.

Позволяю себѣ надѣяться, что мои почтенные соотечественники, особенно сотрудники по воспитанію юношества, не откажутъ въ своемъ сочувствіи доброму предпріятію, и поддержать его своимъ вниманіемъ.

Издатель Директоръ Народныхъ Училищъ Херсонской губерніи *А. Князевъ*.

КО ДНЮ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ СВ. МЕОДИЯ

6-го АПРѢЛЯ 1885 г.

Г И М Н Ъ

СВЯТЫМЪ КИРИЛЛУ И МЕОДИЮ

ПРОСВѢТИТЕЛЯМЪ СЛАВЯНЪ.

СЛОВА М. П. РОЗЕНГЕЙМА, МУЗЫКА В. И. ГЛАВАЧА.

Гимнъ этотъ можно получать, съ 12 марта, отъ автора музыки, въ помѣщеніи С. Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества, у Александринскаго театра, № 7, и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ.

Для одного голоса и фортепіано цѣна 40 к.

Для хора (партитура и четыре отдѣльные голоса) 1 руб.

Для одного женскаго или мужскаго хора — партитура, фортепіано и голоса цѣна 1 руб.

Ноты для каждаго голоса отдѣльно продаются по 10 к. Пересылка по почтѣ принимается авторомъ музыки на свой счетъ.

Св. Синодъ издаетъ къ 6 апрѣля 1885 г. Службы св. Кириллу и Меѳодію на 11-е мая, отдѣльно с. Меѳодію на 6 апр., св. Кириллу—на 14 февраля и въ приложеніи къ нимъ Паннонскія житія св. Меѳодія и Кирилла, а также брошюру, составленную С.-Пбурск. Славян. Благотвор. Обществомъ (для бесплатной раздачи); въ сокращеніи въ семь номеръ перепечатанную. 6 апр. 1885 г.): «св. Кирилль и Меѳодій, славян. апостолы».

Библиографическій листокъ (для 6 Апр. 1885 г.).

Кирилла и Меѳодія житіе въ Четы-Минеѣ св. Димитрія Ростовскаго (11 Мая).

Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, изданіе Погодина.

Кирилль и Меѳодій, какъ правосл. проповѣдники у Запад. христіанъ, Лавровскаго. (Дух. Вѣстн. 1862).

Кирилль и Меѳодій по запад. легендамъ, Бильбасова.

Кирилль и Меѳодій. И. Платонова.

Кирилль и Меѳодій, изд. Гр. Ширяева (А. Князева).

Кирилль и Меѳодій (главн. источники объ ихъ жизни), А. Воронова.

Кирилль и Меѳодій (Бесѣды объ ихъ жизни) И. Малышевскаго (Воскр. чт. 1963).

Кирилль и Меѳодій, А. Димитрія (Ворон. Еп. Вѣд. 1882 г. №№ 6—7—8) и особою брошюрою въ 1882.

Кирилль и Меѳодій, Добровскаго (переводъ Погодина).

Кирилль и Меѳодій—славяне, а не греки, Погодина.

Кирилль и Меѳодій И. Д. Бѣляева (изд. общества распространенія полезн. книгъ). 1865.

Кирилль и Меѳодій (Арх. Филарета), Славян. святыѣ.

Кирилль и Меѳодій А. Н. Муравьева (житія русск. и слав. святыхъ 11 Мая).

Кирилль и Меѳодій—Епископа Гермогена. 1883.

Кирилль и Меѳодій. Ихъ жизнеописаніе, для народа войскъ и школъ. Ц. 6 коп. Москва.

Кирилль и Меодій. А. В. Горскаго. Изслѣдованіе о канонахъ эт. святымъ (въ прибавл. къ твор. Св. Отцовъ 1856 г.).

Кирилль и Меодій. Мѣсяцесловъ русск. святыхъ А. Димитрія 14 февр. и 11 Мая. 1880—1882 г.

Кирилль и Меодій въ больш. Маварьев. Четви-Менеѣ.

Кирилль и Меодій. Паннонскія житія этихъ святыхъ—перв. источникъ свѣдѣній о нихъ, изданы въ Чтеніяхъ Моск. Обществ. и Россійск. древностей 1865—1866 г.).

Изслѣдованіе о Паннон. житіяхъ А. И. Горскаго 1843 г.

Кирилль и Меодій. Нов. источники и ученые труды для исторіи славян. апостоловъ. А. Викторова, и мног. друг.

Къ свѣдѣнію о.о. Благочинныхъ и Духовенства Воронеж. епархіи.

Редакція, выпуская юбилейный номеръ (къ 6 апр. 1885), покорнѣйше проситъ духовенство Воронеж. епархіи воспользоваться этимъ номеромъ, какъ матеріаломъ для проповѣди и внѣбогослужеб. собесѣдованія съ прихожанами въ день памяти св. Меодія. (О св. Кирилль и Меодіѣ были напечатаны статьи А. Дим. въ 6—8 №№ Воронеж. Еп. Вѣд. 1882 г., а также въ Прибавленіи къ 1 и 2 №№ 1885 г.)

Св. равноапостольные просвѣтители Славянъ Кирилль и Меодій.—(По случаю тысячелѣтней памяти св. Меодія 6 апр.)

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей П. Налицынъ. Марта 15 дня 1885 года

Воронежъ въ типографіи В. П. Цесая